

ДЕСМОНД МОРРИС

МИРОВОЙ СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕР
ТИРАЖ БОЛЕЕ 10 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ГОЛАЯ ОБЕЗЬЯНА

18+

Десмонд Моррис

Голая обезьяна (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1967, 1969, 1971

УДК 159.923
ББК 88-44

Моррис Д. Д.

Голая обезьяна (сборник) / Д. Д. Моррис — «Азбука-Аттикус»,
1967, 1969, 1971

ISBN 978-5-389-12499-8

В авторский сборник одного из самых популярных и оригинальных современных ученых, знаменитого британского зоолога Десмонда Морриса, вошли главные труды, принесшие ему мировую известность: скандальная «Голая обезьяна» – ярчайший символ эпохи шестидесятых, оказавшая значительное влияние на формирование взглядов западного социума и выдержавшая более двадцати переизданий, ее общий тираж превысил 10 миллионов экземпляров. В доступной и увлекательной форме ее автор изложил оригинальную версию происхождения человека разумного, а также того, как древние звериные инстинкты, животное начало в каждом из нас определяют развитие современного человеческого общества; «Людской зверинец» – своего рода продолжение нашумевшего бестселлера, также имевшее огромный успех и переведенное на десятки языков, и «Основной инстинкт» – подробнейшее исследование и анализ всех видов человеческих прикосновений, от рукопожатий до сексуальных объятий. В свое время работы Морриса произвели настоящий фурор как в научных кругах, так и среди широкой общественности. До сих пор вокруг его книг не утихают споры.

УДК 159.923
ББК 88-44

ISBN 978-5-389-12499-8

© Моррис Д. Д., 1967, 1969, 1971

© Азбука-Аттикус, 1967, 1969, 1971

Содержание

Голая обезьяна	7
Предисловие	7
1	9
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Десмонд Моррис Голая обезьяна

Desmond Morris

THE NAKED APE

(перевод с английского В. Кузнецова)

THE HUMAN ZOO

(перевод с английского Т. Пашкевич и Р. Цатурияна)

INTIMATE BEHAVIOUR

(перевод с английского Г. Сахацкого)

© Desmond Morris, 1967, 1969, 1971

© Кузнецов В., перевод на русский язык, 2009

© Цатурян Р., перевод на русский язык, 2004

© Пашкевич Т., перевод на русский язык, 2004

© Сахацкий Г., перевод на русский язык, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

КоЛибри®

* * *

Один из самых известных и оригинальных современных ученых, Десмонд Джон Моррис, родился 24 января 1928 года в Великобритании. В 1951 году окончил с красным дипломом Бирмингемский университет, через три года защитил диссертацию на степень доктора наук по зоологии. Стал одним из основателей новой научной дисциплины – этологии. Психолог-бихевиорист, известный телеведущий, художник-сюрреалист, автор многочисленных научных трудов, популярных книг и фильмов, посвященных поведению человека и животных, в том числе знаменитого сериала BBC «Мужчина и Женщина».

Голая обезьяна

Предисловие

Существует сто девяносто три вида мелких и крупных обезьян. Сто девяносто два из них имеют волосистой покров. Исключение составляет голая обезьяна, именующая себя *Homo sapiens* (Человек разумный). Этот своеобразный и весьма процветающий вид тратит уйму времени на изучение мотивов своего поведения и столько же на то, чтобы упорно пренебрегать основными из них. Он гордится тем, что наделен мозгом, который больше, чем у других приматов, но пытается скрыть тот факт, что у него также самый большой пенис, напрасно приписывая эту честь могучей горилле. Человек – чрезвычайно сильная, голосистая, предприимчивая и в высшей степени стадная обезьяна. Самое время изучить характер ее поведения.

Я зоолог, а голая обезьяна – животное. Она представляет подходящую тему для моего пера, и я больше не собираюсь откладывать его в сторону только потому, что ее поведение подчас необъяснимо и производит странное впечатление. Мое оправдание заключается в том, что со всей своей эрудицией *Homo sapiens* так и остался голой обезьяной. Приобретая новые, возвышенные мотивы своего поведения, он не утратил ни одного из прежних, низменных. Подобное обстоятельство зачастую досаждало ему, однако древние инстинкты были с ним миллионы лет, в то время как новые – самое большее – каких-нибудь несколько тысяч лет. И стало быть, быстро стряхнуть с себя генетическое наследство своей эволюции нет никакой надежды. Если бы человек смирился с этим фактом, то стал бы гораздо менее озабоченным и более законченным животным. Возможно, здесь способен помочь зоолог.

Одна из самых странных особенностей предыдущих исследований поведения голой обезьяны заключается в том, что в них почти никогда не обращали внимания на очевидное. Прежние антропологи мчались сломя голову в самые немыслимые уголки планеты, чтобы разобратся в существе нашей природы, углубляясь в настолько нехарактерные культурные дебри, что о них почти нечего сказать.

Затем они вернулись с поразительными фактами относительно своеобразных привычек спаривания, странных систем родства или зловещих ритуалов, практикуемых этими племенами, и использовали этот материал, словно он имеет самое важное значение для поведения нашего вида в целом. Разумеется, исследования, проведенные этими учеными, были чрезвычайно интересны и полезны, показав нам, что может произойти, когда сообщество голых обезьян оказывается загнанным в культурный тупик. Они продемонстрировали, сколь далеко наше поведение может отойти от нормы, не приводя к полному социальному коллапсу. Однако мы ничего не узнали о типичном поведении типичных голых обезьян. Это можно осуществить лишь посредством изучения общих поведенческих особенностей, свойственных обычным преуспевающим представителям основных сообществ – типичным индивидам, которые образуют подавляющее большинство вида. С точки зрения биологии это единственный верный подход к решению проблемы. Выступая против него, антрополог старой школы стал бы утверждать, что его технологически простые племенные сообщества находятся ближе к существу проблемы, чем представители более развитых цивилизаций. Осмелюсь утверждать, что это не так. Простые племенные сообщества, существующие в настоящее время, не примитивны; они представлены в ложном свете. Подлинно первобытные племена отошли в прошлое тысячи лет назад. Голая обезьяна – вид животного-исследователя, так что всякое общество, которое не сумело продвинуться, в известном смысле оказалось обществом неудачников, «пошло не туда». Произошло нечто такое, что задержало его развитие и препятствует естественным тенденциям вида, направленным на исследование окружающего мира. Характеристики, которые прежние

антропологи изучали у этих племен, вполне могли оказаться теми самыми признаками, которые мешали прогрессу данных сообществ. Поэтому опасно использовать эту информацию как основу для выработки общей схемы нашего поведения как вида.

Напротив, психиатры и психоаналитики держались ближе «к телу» и сосредоточивали свое внимание на клинических исследованиях типичных представителей вида. Хотя многое полученное ими не страдает неполнотой антропологической информации, оно существенно смещено. Индивиды, на основании исследования которых ученые делали свои выводы, несмотря на их общее происхождение, были отмечены того или иного рода отклонениями от нормы или оказались попросту неудачниками. Будь они полноценными, преуспевающими и, следовательно, типичными индивидами, они не стали бы обращаться за помощью к психиатру и не пополняли бы его картотеку. Повторяю: я не хочу преуменьшать значения такого рода исследований. Их результаты дали нам неоценимую возможность понять, каким образом может нарушиться характер нашего поведения. Просто я полагаю, что при обсуждении биологической природы нашего вида в целом нецелесообразно переоценивать роль предыдущих антропологических и психиатрических данных.

(Хочу добавить, что ситуация в антропологии и психиатрии быстро меняется. Многие ученые, работающие в этих областях, признают недостатки прошлых исследований и все чаще обращаются к изучению типичных, здоровых индивидов. Один ученый недавно признался: «Мы ставили лошадь впереди телеги. Мы обследовали ненормальных людей и только теперь, с некоторым опозданием, начинаем обращать основное внимание на здоровых индивидов».)

Метод, который я намерен использовать в данной книге, опирается на материалы из трех главных источников. Ими являются: 1) информация о нашем прошлом, полученная палеонтологами и основанная на ископаемых и других останках наших древних предков; 2) информация, полученная в результате исследований поведения животных, проведенных сравнительными этологами, основанная на детальном наблюдении различных животных, в особенности наших близких сородичей – мелких и крупных обезьян; 3) информация, которую можно собрать с помощью непосредственного наблюдения за типичным, широко распространенным поведением преуспевающих индивидов, взятых из основных современных сообществ собственно голых обезьян.

Ввиду больших масштабов задачи нам придется прибегнуть к упрощениям. В основном они будут заключаться в пренебрежении подробными описаниями технологических тонкостей и терминологией, сосредоточиваясь на таких сторонах нашей жизни, которые явно прослеживаются и в жизни других видов животных. К ним относятся питание, уход за собой, сон, борьба за существование, спаривание и забота о потомстве. Как реагирует голая обезьяна, когда сталкивается с этими основными проблемами? В чем отличие ее реакций от реакций других мелких и крупных обезьян? В каком смысле она является уникальной и каким образом ее своеобразие соотносится с ходом эволюции этого вида?

Обсуждая эти проблемы, я понимаю, что рискую оскорбить множество народа. Есть такие люди, которые предпочитают не рассматривать себя в качестве животного. Они, возможно, сочтут, что я унизил свой вид, прибегнув в рассуждениях о нем к «животной» терминологии. Могу заверить, что не имел и не имею такого намерения. Есть и такие, которые возмущаются вторжением в их сугубо узкую зоологическую специальность. Однако я полагаю, что такой метод окажется весьма полезным и, при всех его недостатках, покажет сложную природу нашего своеобразного вида с новой (и в некотором смысле неожиданной) точки зрения.

1

Происхождение

В одном зоологическом саду висит табличка, которая гласит: «Это животное науке неизвестно». В клетке сидит маленькая белочка. У нее черные лапки, родом она из Африки. На этом континенте белок с черными лапками прежде не встречали. О ней ничего не известно. Нет у нее и названия.

Для зоолога это животное представляет особый интерес. Какую оно вело жизнь, сделавшую его столь своеобразным? Чем оно отличается от трехсот шестидесяти шести других видов белок, существующих в настоящее время, которые уже известны и описаны учеными? В определенный момент эволюции семейства беличьих предки этого животного, должно быть, каким-то образом откололись от остального семейства и создали собственную, независимо размножающуюся популяцию. Какой же фактор окружающей среды привел к тому, что их изоляция трансформировалась в новую форму жизни? Должно быть, новая тенденция началась с какого-то малого шага, когда некое сообщество белок в известной местности стало постепенно изменяться и лучше приспосабливаться к конкретным условиям. Но на этом этапе они все еще могли спариваться с соседними сородичами. Новая особь должна была обладать каким-то небольшим преимуществом в данном регионе, но она была всего лишь разновидностью основного вида и в любой момент могла быть размыта и поглощена основной массой особей. Если же с течением времени новый вид белок начал все лучше принаравливаться к окружающей среде, то в конце концов должен был наступить момент, когда им стало выгоднее изолироваться от возможного смешения с соседями. На этом этапе их социальное и сексуальное поведение должно было претерпеть особые изменения, делая маловероятным, а затем и невозможным спаривание с другими видами белок. По-видимому, вначале изменилась их анатомия, что позволило им успешнее добывать пищу, характерную для данной местности, но впоследствии изменились их брачные призывы и поведенческие сигналы, что обеспечило привлечение внимания партнеров лишь нового типа. Наконец возник совершенно новый, особый и обособленный, триста шестьдесят седьмой вид белок.

Когда мы смотрим на безымянную белку, сидящую в клетке, мы можем лишь догадываться о ходе событий. Мы можем быть уверены лишь в том, что пометы на ее шкурке – черные лапки – указывают на принадлежность животного к новому виду. Но это лишь симптомы, подобно сыпи, которая подсказывает доктору, какая у его пациента болезнь. Чтобы по-настоящему изучить этот новый вид, мы должны использовать данные признаки как отправную точку, которая подсказывает, что перед нами стоящий объект исследования. Мы можем попытаться представить себе ход развития животного, но это будет преждевременный и опасный прием. Лучше начнем с того, что дадим ему простое и очевидное название – назовем его африканской черноногой белкой. Теперь мы должны наблюдать и регистрировать все нюансы ее поведения, а также физического строения, и отмечать, насколько она отличается или похожа на остальных своих сестер. Затем мало-помалу мы приобретем общее представление о ней.

Большим преимуществом при изучении таких животных является то, что мы сами не являемся черноногими белками. Факт этот принуждает нас к скромности, которая подобает серьезному исследователю. Совершенно иначе – и это нас обескураживает – дело обстоит, когда мы пытаемся изучить двуногое животное – человека. Даже зоологу, привыкшему называть животное животным, трудно избежать высокомерия, личной вовлеченности. Мы можем в известной мере преодолеть эти неудобства, осторожно, но сознательно рассматривая человека так, словно это некий вид животного – странная форма жизни, оказавшаяся на анатомическом столе и ожидающая анализа. С чего же нам начать?

По аналогии с изучением нового вида белки, начнем со сравнения нашего животного с другими видами животных, которые, по-видимому, наиболее родственны ему. Судя по зубам, рукам, глазам и другим анатомическим особенностям, он явно примат, но весьма необычного вида. Насколько он необычен, становится понятно, если положить в один ряд шкуры ста девяти носто двух видов ныне существующих мелких и крупных обезьян, а затем поискать в этом длинном ряду подходящее место для человеческой кожи. Куда бы мы ее ни положили, нам покажется, что она не на месте. В конце концов мы будем вынуждены расположить ее справа, рядом со шкурами больших бесхвостых обезьян – таких как шимпанзе и горилла. Но и здесь бросается в глаза, насколько наше животное отлично от своих сородичей. Ноги у него слишком велики, руки чересчур коротки, а ступни довольно странные. Совершенно очевидно, что этот вид примата выработал особый способ передвижения, который видоизменил само его строение. Но особое внимание обращает на себя другая особенность: его кожа практически лишена волосяного покрова. За исключением волос на голове, под мышками и возле гениталий, кожа его совсем не защищена от воздействия температуры. При сравнении с другими видами приматов контраст этот особенно заметен. Правда, у нескольких видов мелких и крупных обезьян имеются лишенные волос участки на сидище, лице и груди, но ни у одного из ста девяти носто двух видов не наблюдается ничего даже отдаленно похожего на то, что мы видим у человека. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, уже сейчас можно с полным основанием назвать этот новый вид «голой обезьяной». Это простое и точное название, основанное на элементарном наблюдении и лишенное всяческих претензий. Надеюсь, оно поможет нам придерживаться чувства меры и быть объективными.

Разглядывая этот странный экземпляр и ломая голову над предназначением его характерных особенностей, зоолог должен приступить к сравнениям. Где еще обнаженность тела является преимуществом? Обращаться к другим приматам бесполезно, значит, необходимо заглянуть гораздо дальше назад. Краткий обзор всего ряда существующих в настоящее время млекопитающих показывает, что они удивительным образом привязаны к своему меховому покрову и что очень немногие из четырех тысяч двухсот тридцати семи видов предпочли отказаться от него. В отличие от своих предков-рептилий, млекопитающие приобрели значительное преимущество с точки зрения физиологии: они могут поддерживать высокую температуру тела. Таким образом сложным процессам, происходящим в организме, обеспечиваются оптимальные условия. Такого рода свойство не может быть утрачено ни с того ни с сего. Механизмы, контролирующие температуру, жизненно важны, и наличие плотного волосяного покрова явно играет главенствующую роль в предотвращении тепловых потерь. В сильную жару он также будет препятствовать перегреву и повреждению кожного покрова под воздействием солнечных лучей. Если волосяной покров все-таки утрачивается, то на это должны быть веские причины. За редким исключением столь кардинальные изменения происходили лишь в тех случаях, когда млекопитающие перемещались в совершенно новую для себя среду обитания. Летучие млекопитающие – летучие мыши – были вынуждены обнажить свои крылья, но сохранили волосяной покров остальных частей тела, поэтому их вряд ли можно назвать голыми животными. Землеройные животные, например голая кротовая крыса, бурозубки и броненосец, лишь в единичных случаях сократили свой волосяной покров. Такие млекопитающие, как киты, дельфины, морские свиньи, дюгоны, ламантины и гиппопотамы, также освободились от волосяного покрова, чтобы приобрести обтекаемость тела. Однако для всех типичных сухопутных млекопитающих, как бегающих по поверхности земли, так и лазающих по деревьям, неизменной остается поросшая плотной шерстью шкура. Если не считать таких тяжеловесов, как носороги и слоны (у которых имеются характерные для них проблемы, связанные с нагревом и охлаждением тела), голая обезьяна стоит особняком, выделяясь своей наготой из тысяч волосатых, косматых или покрытых мехом сухопутных млекопитающих.

Тут зоолог вынужден прийти к заключению, что имеет дело или с землероющим, или с водным животным. Или же история эволюции голой обезьяны была, очевидно, обусловлена какими-то очень своеобразными, поистине уникальными обстоятельствами. Прежде чем отправиться в экспедицию для наблюдения за животным в его современном виде, ученому следует сначала углубиться в изучение его прошлого и исследовать как можно тщательнее его ближайших предков. Посредством изучения окаменелостей и других останков, а также путем сравнения его с ближайшими родственниками, существующими в настоящее время, нам, возможно, удастся получить некоторое представление о том, что же произошло, когда возник и отпочковался от остального семейства этот новый вид приматов.

Потребуется слишком много времени, чтобы перечислить все незначительные факты, столь тщательно зарегистрированные в течение минувшего столетия. Мы лишь предположим, что задача эта выполнена, и просто сведем воедино выводы, к которым можно прийти, сочетая информацию, предоставляемую нам палеонтологами – знатоками окаменелостей, с фактами, собранными этологами – терпеливыми наблюдателями за большими обезьянами.

Группа приматов, к которой принадлежит наша голая обезьяна, возникла от общих примитивных насекомоядных предков. Эти древние млекопитающие были маленькими, ничего собой не представляющими существами, прятавшимися в лесах, в то время как в мире животных хозяйничали гигантские рептилии. Приблизительно от пятидесяти до восьмидесяти миллионов лет назад, после краха великой эпохи рептилий, эти крохотные пожиратели насекомых начали осваивать новые территории. Они множились и распространялись, приобретая многочисленные новые, порой странные формы. Одни стали питаться растениями и в целях безопасности делали себе укрытия под землей или отращивали длинные, похожие на ходули ноги, чтобы убегать от врагов. Другие превратились в хищников с длинными когтями и острыми зубами. Наиболее крупные рептилии исчезли, но открытая местность вновь превратилась в поле боя.

Тем временем животные с маленькими лапами по-прежнему прятались среди лесов и кустарников. Но прогресс был налицо и здесь. Прежние пожиратели насекомых начали расширять свое меню и решали проблему питания, поедая фрукты, орехи, ягоды, почки и листья. По мере превращения в приматов низших форм у них улучшалось зрение. Глаза переместились в переднюю часть лица, а передние конечности приспособились для захвата пищи. Обладая трехмерным зрением, конечностями-манипуляторами и постепенно увеличивавшимся мозгом, эти существа стали все чаще властвовать в мире обитателей деревьев.

От двадцати пяти до тридцати пяти миллионов лет назад эти предобезьяны стали превращаться в собственно обезьян. У них появился длинный, действующий как балансир хвост. Они начали увеличиваться в размерах. Некоторые питались исключительно листьями, но большинство предпочитало разнообразную пищу. Со временем отдельные обезьяноподобные существа становились крупнее и тяжелее. Вместо того чтобы бегать или карабкаться, они стали перемещаться с ветки на ветку, раскачиваясь на руках. Хвост оказался ненужным. Зато эти животные, став более неуклюжими из-за увеличившихся размеров, перестали бояться передвигаться по земле.

Но даже на этой стадии – стадии обезьян – они по-прежнему стремились продолжать вольготную, с изобилием пищи жизнь в лесном Эдеме. Они перемещались на открытые пространства лишь в том случае, когда в их жизнь вторгалась какая-то грубая сила. В отличие от первых млекопитающих – любителей исследовать окружающий мир, эти животные приспособились к существованию в лесных чащобах. Миллионы лет ушли на развитие и усовершенствование этой лесной аристократии, и если бы им пришлось покинуть привычную среду обитания, они были бы вынуждены конкурировать с чрезвычайно развитыми (к тому времени) травоядными и хищниками, живущими на земле. Так эти животные и остались на прежнем месте, продолжая жевать фрукты и спокойно заниматься своим делом.

Следует подчеркнуть, что такая линия поведения больших обезьян свойственна, по какой-то причине, лишь обитателям Старого Света. Мелкие же обезьяны развивались обособленно как обитатели деревьев и в Старом, и в Новом Свете, однако американская ветвь приматов так и не достигла стадии крупных обезьян. Напротив, в Старом Свете предки больших обезьян распространились на обширной площади лесов от Западной Африки до Юго-Восточной Азии. Следы этой экспансии можно наблюдать на примере африканских шимпанзе, горилл, азиатских гиббонов и орангутанов. Однако в регионах, расположенных между этими двумя полюсами, теперь не существует крупных волосатых обезьян. Леса с сочной листвой исчезли.

Что же произошло с обитавшими в прежние времена большими обезьянами? Мы знаем, что климатические условия стали неблагоприятны для них и в какой-то момент, примерно пятнадцать миллионов лет назад, их лесные владения значительно сократились. Родоначальники крупных обезьян были вынуждены сделать выбор: продолжать держаться за то, что осталось от их древних лесных обиталищ, или же, почти по Библии, ожидать изгнания из рая. Предки шимпанзе, горилл и гиббонов оставались там, где жили, но их число с тех пор стало постепенно уменьшаться. Предки же единственной уцелевшей из крупных обезьян – голый обезьяны – решились покинуть леса и вступить в соперничество с уже успевшими приспособиться наземными животными. Дело это было рискованное, но с точки зрения успешной эволюции – стоящее.

История успеха голый обезьяны начиная с этого момента хорошо известна, однако будет полезно сделать ее краткий обзор, поскольку жизненно необходимо помнить о дальнейших событиях, если мы хотим объективно понять нынешнее поведение этого вида.

Попав в новую среду, наши предки оказались перед мрачной перспективой. Им надо было стать или более умелыми хищниками, чем прежние плотоядные, или лучшими грызунами, чем прежние травоядные. Теперь мы знаем, что они добились успеха в обоих направлениях. Между тем сельское хозяйство возникло всего лишь несколько тысяч лет назад, мы же оперируем миллионами лет. Специализация в использовании растительных видов на открытой местности была еще не под силу нашим древним предкам: надо было дожидаться появления передовой техники нового времени. Их пищеварительная система не была приспособлена для непосредственного усвоения растительной пищи. Фрукты и орехи, которые они прежде находили в лесу, следовало заменить корешками и клубнями, обнаруженными в земле. Отличие оказалось разительным. Вместо того чтобы ленивым жестом протянуть руку к ветке и сорвать вкусный плод, большая обезьяна, оказавшаяся на земле, должна была упорно рыть землю в поисках драгоценной пищи.

Однако лесная пища состояла не только из фруктов и орехов. Нашей обезьяне были крайне необходимы и животные белки. Ведь она, в конце концов, происходила от насекомоядных предков, а ее древнее лесное обиталище всегда было богато насекомыми. Сочные жуки, птичьи яйца, беспомощные птенцы, древесные лягушки и мелкие рептилии – все это шло в пищу. Более того, эти существа не представляли особой проблемы для довольно непритворной пищеварительной системы. Такого рода источник пищи существовал и на земле, поэтому ничто не мешало животному расширять ассортимент. Сначала обезьяна не могла соперничать с профессиональными убийцами – хищниками из мира плотоядных. Даже маленький мангуст, не говоря уже о крупной кошке, мог конкурировать с ней в искусстве убивать. Правда, вполне хватало всякого рода детенышей, беспомощных или больных животных, так что первый шаг к переходу на мясной рацион был легким. Однако по-настоящему ценная добыча была оснащена длинными, как ходули, ногами и была готова в мгновение ока сорваться с места, развивая невероятную скорость. Богатые протеином копытные были не по зубам обезьяне.

Наконец мы подошли к отстоящему от нас приблизительно на миллион лет периоду развития предков голый обезьяны, когда произошел ряд потрясающих и весьма драматичных событий. Важно учитывать и то, что многие из них произошли одновременно. Зачастую, когда

рассказывается какая-нибудь история, ее отдельные фрагменты выстраиваются так, будто один крупный успех предшествовал другому. Однако это далеко от истины. Жившие на земле большие обезьяны уже обладали крупного размера хорошим мозгом. У них были зоркие глаза и развитые руки. Как и у всех приматов, в их сообществе обязательно существовала определенного уровня социальная организация. В условиях насущной необходимости развивать свои хищнические навыки они стали претерпевать существенные изменения: приобрели более прямую осанку и научились быстрее бегать. Руки освободились, так как отпала необходимость помогать передвижению, и стали сильными, приспособленными держать оружие. Развитие мозга обусловило способность принимать более разумные и быстрые решения. Все эти события не происходили поэтапно, следуя какой-то предначертанной последовательности. Успехи достигались одновременно и только после того, как мелкие шажки вперед делались то в одной области, то в другой, подхлестываемые друг другом. Так возникла большая обезьяна-охотник, обезьяна-хищник.

Резонно предположить, что эволюция могла встать на иной, не столь кардинальный путь развития и из обезьяны получилось бы хищное животное наподобие кошки или собаки – своего рода кошкоподобная обезьяна. Это произошло бы элементарно – путем отращивания зубов и ногтей, которые превратились бы в опасные орудия убийства – клыки и когти. Но в таком случае первобытной обезьяне пришлось бы вступить в противоборство с успевшими развиться кошкообразными и собакообразными хищниками. Причем противоборство это происходило бы в условиях, выгодных для последних, так что исход столкновения был бы, несомненно, роковым для данных приматов. (Исходя из всего того, что нам известно, такой вариант вполне мог быть испробован и мог окончиться настолько неудачно для них, что не сохранилось бы никаких тому свидетельств.) А применен был совсем другой подход: вместо природного оружия было использовано оружие искусственное, и такой способ сработал.

Следующий шаг заключался в переходе от использования орудий к их изготовлению; наряду с их усовершенствованием улучшилась и техника охоты. Это выражалось не только в более успешном применении орудий охоты, но и в лучшей кооперации животных. Обезьяны-охотники действовали стадами, и по мере усовершенствования способов убийства совершенствовались и методы социальной организации. Волки, собираясь стаей на охоту, рассредоточиваются, но наделенная более развитым мозгом обезьяна-охотник могла применить свои способности к решению таких проблем, как групповое взаимодействие и кооперация. Стали возможными все более сложные маневры. Увеличение мозга давало о себе знать.

По существу, охотничья группа состояла из самцов. Самки были слишком заняты уходом за детенышами, чтобы играть заметную роль в преследовании и поимке добычи. По мере того как методы охоты усложнялись, обезьяне-охотнику пришлось отказаться от кочевнических способов охоты своих предков. Понадобилась база, лежбище, куда охотник мог возвращаться с добычей и где его ждали самки и чада, с которыми он делился пищей. Этот шаг, как мы убедимся в последующих главах, оказал большое влияние даже на самых изощренных голых обезьян нашего времени.

Таким образом, наш охотник стал оседлым. Это повлияло на характер его сексуального, родительского и социального поведения. Прежний бродячий образ жизни, сопровождавшийся сбором фруктов, стал быстро отходить в прошлое. Охотник действительно покинул обжитой лесной рай. Теперь он стал обезьяной, наделенной чувством ответственности. Начал подумывать об удобствах для стирки и хранения пищи – доисторических аналогах современных стиральных машин и холодильников. Начал обустраивать свой быт: так появился очаг, хранилище для продовольствия, искусственные укрытия. На этом моменте нам следует остановиться, поскольку из области биологии мы переходим в область культуры. Биологическая основа этих подвижек заключается в появлении крупного мозга, достаточно сложного для того, чтобы их могла сделать обезьяна-охотник. Однако конкретная форма этого продвижения уже

не являлась вопросом специфического генетического управления. Лесная обезьяна, которая стала наземной обезьяной, обезьяной-охотником, оседлой обезьяной, стала обезьяной культурной. И тут мы должны сделать короткую остановку.

Стоит отметить, что нас не интересуют мощные культурные прорывы, которые произошли впоследствии и которыми так гордится сегодняшняя голая обезьяна, – драматические события, которые привели к ним, уместились в какие-то полмиллиона лет, начиная с умения разжечь костер и кончая созданием космического корабля. История эта увлекательна, однако голой обезьяне угрожает опасность: в своем ослеплении подобными успехами она может забыть, что под внешним лоском по-прежнему остается приматом. («В любом наряде без изына есть обезьяна – обезьяна!») Мочиться приходится даже космической обезьяне.

Лишь посмотрев трезвым взглядом на то, как мы возникли, а затем изучив биологические аспекты нашего сегодняшнего поведения как вида, мы действительно сможем получить взвешенное, объективное представление о нашем своеобразном существовании.

Если мы примем историю нашей эволюции такой, какой мы ее здесь представили, то становится ясным один факт, а именно: мы, в сущности, возникли как приматы-хищники. По сравнению с другими малыми и большими обезьянами, существующими в настоящее время, это обстоятельство делает нас уникальными, однако коренные преобразования знакомы и другим сообществам животных. Так, идеальным примером обратного процесса является большая панда. В отличие от нас, вегетарианцев, ставших плотоядными животными, панда – плотоядное животное, ставшее вегетарианцем, и, подобно нам, во многих отношениях это необычное и своеобразное существо. Дело в том, что подобный резкий поворот в судьбе приводит к возникновению особи с раздвоенной личностью. Преодолев такого рода порог, животное отдается новой роли с огромной эволюционной энергией, сохраняя при этом свои многие прежние черты. Прошло слишком мало времени, чтобы животное могло освободиться от всех старых характеристик, поспешно приобретая новые. Когда древние рыбы стали осваивать сушу, их новые «сухопутные» черты стали развиваться бешеными темпами, хотя животные продолжали сохранять прежние навыки водных обитателей. Для того чтобы выработался совершенно новый вид животного, требуются миллионы лет, поэтому его ранние формы обычно представляют собой поистине странные гибриды. Таким гибридом является и голая обезьяна. И физиология животного, и его образ жизни были приспособлены к существованию в лесных условиях; и неожиданно (неожиданно с точки зрения эволюции) существо это оказалось в мире, где оно могло выжить лишь в том случае, если бы стало жить как наделенный разумом, оснащенный орудием убийства волк. Мы должны изучить, как это повлияло не только на тело животного, но и, главным образом, на его поведение и как именно мы ощущаем на себе влияние этого наследия сегодня.

Один из способов состоит в том, чтобы сравнить строение и образ жизни типичного примата, питающегося фруктами, с типичным плотоядным. После того как мы поймем существенные различия, касающиеся двух противоположных способов питания, мы сможем вновь обратиться к изучению голой обезьяны и уяснить, как возник подобный гибрид. Самыми яркими звездами в галактике плотоядных являются, с одной стороны, дикие собаки и волки, с другой – большие кошки, такие как львы, тигры и леопарды. Они прекрасно оснащены доведенными до совершенства органами чувств. У них обостренный слух и ухо может поворачиваться в любую сторону, чтобы уловить малейший шорох. Их глаза, хотя и плохо различают статичные детали и цвет, невероятно восприимчивы к малейшему движению. Их обоняние настолько развито, что нам это трудно себе представить. Они могут различать по запаху целую гамму образов. Они умеют не только безошибочно определять индивидуальный запах, но также выделять отдельные компоненты из целого их букета. Опыты, проведенные над собаками в 1953 году, показали, что их обоняние примерно в миллион – тысячу миллионов раз острее нашего. С той поры

эти поразительные результаты не раз подвергались сомнению, более точные тесты не смогли их подтвердить, но даже по самым скромным оценкам собачий нюх в сто раз острее нашего.

Вдобавок к столь первоклассному восприятию дикие собаки и кошки наделены превосходными физическими данными. Кошки молниеносно развивают спринтерскую скорость, собаки отличаются огромной выносливостью как бегуны на длинные дистанции. При нападении они могут использовать мощные челюсти, острые зубы, сильные, массивные передние лапы, оснащенные длинными, похожими на клинки когтями.

Для этих животных акт убийства стал самоцелью, завершающим актом. Правда, они редко убивают просто так, понапрасну, но если такое животное в неволе кормить готовой пищей, то его охотничий инстинкт отнюдь не будет удовлетворен. Всякий раз, когда хозяин прогуливает свою домашнюю собаку или бросает ей палку, чтобы та отыскиала ее и принесла, он заботится об удовлетворении врожденной потребности пса, которую нельзя удовлетворить никаким количеством консервированной пищи. Даже самый откормленный домашний кот требует ночного моциона и возможности наброситься на ничего не подозревающую пичужку.

Их пищеварительная система такова, что может выдержать довольно продолжительные периоды поста, сменяющиеся обжорством. (К примеру, волк может за один раз съесть столько, что это составит одну пятую его собственного веса. Это все равно как если бы мы с вами за один присест «приговорили» кусок мяса весом в 10 кг.) Пища этих животных высококалорийна и содержит мало отходов. Однако их экскременты обильны и зловонны, а освобождение кишечника происходит по особым поведенческим правилам: в некоторых случаях экскременты закапываются, а место отправления естественных потребностей тщательно укрывается. В других – оно выбирается на значительном удалении от логова. Когда щенок гадит, фекалии пожираются матерью, в результате чего логово содержится в чистоте.

Способы хранения пищи довольно просты. Туша или ее части могут быть закопаны, как это делают собаки и некоторые виды кошек. Иногда еду прячут в хранилище на дереве – так поступают леопарды. Периоды интенсивной физической нагрузки во время преследования и убийства жертвы перемежаются периодами лени и отдыха. В случае возникновения малейших споров и распрей во время встреч с себе подобными средства самозащиты, столь необходимые для добывания пищи, представляют опасность для жизни и здоровья самих животных. Если два волка или льва ссорятся, то драка между ними может в считанные секунды окончиться увечьем или смертью, поскольку оба хорошо вооружены. Это может серьезно влиять на выживаемость вида, поэтому за длительный период эволюции, оснастившей эти виды животных смертельными орудиями убийства, они также вынуждены были выработать строгие правила, запрещающие применение этих орудий против других представителей собственного вида. По-видимому, эти запреты имеют некую генетическую основу: их незачем запоминать. Выработаны особые позы покорности, которые автоматически успокаивают доминирующее животное и исключают нападение. Наличие таких сигналов является важнейшим элементом существования этих типичных плотоядных.

Для разных видов характерны отличающие их друг от друга конкретные методы охоты. У леопарда это одиночный поиск или засада, сопровождаемая завершающим броском. Индийский леопард осторожно подкрадывается, после чего совершает молниеносный прыжок. Львы обычно охотятся группой: один лев гонит добычу к другим, спрятавшимся в засаде. Волчья стая, бывает, окружает добычу, чтобы затем дружно наброситься на нее. Стая африканских собак, как правило, безжалостно преследует добычу: одна собака за другой нападает на убегающую жертву, пока та не ослабнет от потери крови.

Последние исследования в Африке показали, что пятнистые гиены тоже охотятся стаями, а не являются, как принято считать, только падальщиками. Ошибочное мнение о них укоренилось оттого, что гиены сбиваются в стаи лишь ночью, а привычка питаться падалью всегда отмечалась у них в дневное время. Когда наступают сумерки, гиены становятся беспощадными

убийцами, столь же ловкими, как собаки в дневную пору. Они без труда догоняют преследуемых зебр и антилоп, которые боятся развить полную скорость, какую развивают днем. Гиены начинают с того, что кусают за ноги ближайшую жертву, чтобы та отстала от убегающего стада. Затем все гиены набрасываются на раненое животное, вырывая из него куски мяса до тех пор, пока оно не упадет и не погибнет. Гиены собираются в логовах тесными сообществами. Группа, или клан, использующий такое лежбище, может насчитывать от десятка до сотни особей. Самки держатся вблизи лежбища, но самцы более подвижны и могут перемещаться в другие районы. Между кланами возникают серьезные распри, если отдельные хищники забредают на чужую территорию, однако между представителями одного клана актов агрессии почти не наблюдается.

Известно, что среди многих видов хищников существует дележ пищи. Разумеется, если добыча велика, то мяса оказывается достаточно для всей группы охотников и спорить из-за еды незачем. Однако в некоторых случаях дележ происходит иначе. К примеру, известно, что африканские собаки отрывают пищу, передавая ее друг другу после того, как охота окончена. Иногда это происходит так часто, что говорят, будто у них «коммунальный желудок».

Плотоядные, имеющие потомство, стараются изо всех сил обеспечить едой подрастающее поколение. Львицы охотятся сами и приносят мясо в логово или же проглатывают большие куски пищи, а затем отрывают их, кормя детенышей. По некоторым наблюдениям, в этом участвуют и львы-самцы, однако похоже, что такая практика среди них не очень распространена. Напротив, самцы-волки, как известно, пробегают до пятнадцати миль, чтобы добыть пищу и снабдить ею самку и детеныша. Они могут приносить большие кости с кусками мяса, чтобы их могли грызть щенки. В других случаях после убийства жертвы они проглатывают большие куски, а затем отрывают их у входа в логово.

Таковы некоторые из главных особенностей типичных плотоядных, определяемые их охотничьей жизнью. Чем же они отличаются от типичных пожирателей фруктов – мелких и крупных обезьян?

В аппарате чувств высших приматов зрение доминирует над обонянием. В мире деревьев, по которым им приходится лазать, умение хорошо видеть гораздо важнее умения различать запахи, поэтому нос у них значительно уменьшился, открывая обзор глазам. При поиске пищи полезным фактором является окраска фруктов, поэтому, в отличие от плотоядных, приматы выработали превосходное восприятие цвета. Их глаза лучше видят статичные детали. Их пища неподвижна, так что умение замечать незначительные перемещения не столь важно; важна способность отмечать малейшие различия в форме и текстуре плода. Слух им тоже необходим, но не в такой степени, как хищникам, поэтому уши у них меньше и они лишены возможности поворачивать их подобно плотоядным. Вкус у приматов более утонченный. Пища гораздо разнообразнее и ароматнее и отвечает самому изысканному вкусу. В частности, приматы весьма положительно реагируют на сладкие плоды.

Строение тела приматов приспособлено для лазанья и карабканья, но совсем не годится для спортивного бега по земле или продолжительных вылазок, требующих выносливости. Перед нами скорее тело ловкого акробата, чем мощного атлета. Руки приспособлены для того, чтобы хватать, а не рвать или наносить удары. Челюсти и зубы достаточно сильны, но им далеко до массивного, мощного, как тиски, жевательного аппарата плотоядных. А для того чтобы справиться с мелкой добычей, значительных усилий им не требуется. К тому же охота не является основным элементом жизни приматов.

Едят они в продолжение всего дня. Вместо того чтобы устраивать богатые пиры, сменяющиеся периодами продолжительного поста, мелкие и крупные обезьяны жуют не переставая день-деньской. Конечно, и у них бывают перерывы, обычно в середине дня и в ночное время, но тем не менее контраст между этими видами животных поразительный. Неподвижная пища всегда на месте и только и ждет, чтобы ее сорвали и съели. Животным необходимо лишь одно

– перемещаться от одного места кормежки к другому по мере изменения их вкусов или исчезновения фруктов в связи со сменой времени года. Запасов продовольствия они не делают, разве только некоторые мелкие обезьяны на непродолжительное время прячут еду в защечные мешки.

Их экскременты не столь зловонны, как у хищников. Никаких особых навыков для их уборки ими не выработано, поскольку таковые падают с деревьев и всегда оказываются в стороне от животных. Так как сообщество приматов всегда в движении, опасность загрязнения той или иной местности невелика. Даже крупные обезьяны, которые ночуют в специальных спальных гнездах, каждую ночь меняют эти гнезда, и у них нет особой необходимости беспокоиться о чистоте жилища. (И тем не менее довольно удивительно, что в 99 % брошенных гориллами гнезд в одном районе Африки оставался кал, а 73 % животных лежали в своих экскрементах. Как следствие – появляется опасность возникновения болезней, так как увеличивается возможность повторной инфекции. Это указывает на полное безразличие приматов к соблюдению чистоты.)

Вследствие постоянного характера природы и изобилия пищи у приматов нет необходимости разделяться для ее поисков. Они могут перемещаться, убежать от врагов, отдыхать и спать тесно спаянным коллективом. Причем каждый индивид внимательно наблюдает за движениями и действиями другого. Каждый член сообщества имеет полное представление о том, чем занимаются все остальные. Это сильно отличает приматов от плотоядных. Даже среди тех видов приматов, которые время от времени разделяются, самое мелкое звено сообщества никогда не состоит из одного индивида. Отдельно взятая мелкая или крупная обезьяна – существо уязвимое. В отличие от плотоядных, она не имеет мощных природных средств самозащиты и, оказавшись в одиночестве, может стать легкой добычей рыскающих хищников.

Дух сотрудничества, который присутствует у таких охотящихся стаями животных, как волки, по сути, чужд миру приматов. Здесь на повестке дня конкуренция и доминирование. Соперничество в социальной иерархии существует, разумеется, в обоих сообществах, но у мелких и крупных обезьян оно явно превалирует над сотрудничеством. Излишни здесь и сложные скоординированные действия: добыча корма не требует совместных усилий. День примат чаще всего проводит в одиночестве – что он добудет, то и съест.

Поскольку у приматов пища есть постоянно, им незачем перемещаться на большие расстояния. Тщательному изучению были подвергнуты группы горилл – самых крупных представителей ныне живущих приматов. Были прослежены и маршруты их перемещений, поэтому теперь известно, что в среднем они проходят треть мили в день. Иногда они перемещаются и вовсе метров на сто. Плотоядным во время охоты, напротив, приходится зачастую покрывать расстояния свыше пятидесяти миль. Проходит несколько дней, прежде чем им удастся вернуться в свое логово. Такое поведение характерно для плотоядных, но отнюдь не для мелких и крупных обезьян. Правда, конкретное сообщество приматов обитает обычно в более или менее определенном районе, но ночуют они там, где их застает конец дня. Каждому животному этот район хорошо известен, поскольку передвигаются они по всей его площади, правда, довольно хаотично. Кроме того, взаимодействие между соседними группами приматов носит характер менее оборонительный и агрессивный, чем у плотоядных. Территорией обитания, по определению, является защищаемый участок местности, поэтому приматы не являются типично территориальными животными.

Нужно отметить малосущественный, но уместный факт: у плотоядных водятся блохи, а у приматов их нет. Мелким и крупным обезьянам досаждают вши и другие виды насекомых, но вопреки распространенному мнению не блохи. И на это есть свои причины. Для того чтобы понять их, необходимо изучить жизненный цикл блохи. Это насекомое откладывает яйца не на теле хозяина, а в соре его жилья. Для того чтобы яйца блохи превратились в мелких ползающих личинок, требуется три дня. Эти существа питаются не кровью, а отходами, скапливающимися

в грязи логова или берлоги. Две недели спустя они образуют кокон и превращаются в кукол. В таком дремлющем состоянии они пребывают приблизительно еще две недели, прежде чем стать взрослыми особями, готовыми прыгнуть на тело подходящего хозяина. Выходит, в течение по крайней мере первого месяца своей жизни блоха изолирована от хозяина. Становится понятно, почему кочующие млекопитающие, к примеру мелкие и крупные обезьяны, не страдают от блошиных укусов. Даже если несколько блох случайно попадут на одну из них и будут оплодотворены, их яйца останутся дома, в то время как группа приматов переместится на новое место. Когда же выводятся куколки, хозяина «под рукой» не оказывается. Поэтому блохи паразитируют на животных, обладающих постоянным жилищем, – таких, как типичные плотоядные. Значение этого факта скоро станет понятно.

Противопоставляя различие образа жизни плотоядных и приматов, я, естественно, сосредоточил основное внимание на жизни типичных животных-охотников, обитающих на открытой местности, с одной стороны, и типичных сборщиков плодов, живущих в лесу, – с другой. И здесь и там есть незначительные исключения, но мы должны сосредоточиться на одном очень важном исключении: голой обезьяне – человеку. До какой степени он смог видоизмениться, сочетать свое наследие пожирателя фруктов с новоприобретенным свойством плотоядного? Каким именно животным он стал в результате этого сочетания?

Для начала отметим, что он обладал неподходящим для жизни на земле аппаратом чувственного восприятия. Обоняние у него было слишком неразвитым, слух недостаточно острым. Физически человек не годился для испытаний на выносливость и для молниеносных бросков. Он был скорее конкурирующей, чем сотрудничающей личностью; ни планировать, ни сосредоточиваться он не умел. Но, на свое счастье, он обладал великолепным мозгом и превосходил умом своих соперников – плотоядных. Тело его приобрело вертикальное положение, руки и ноги изменились, умственные способности развились еще больше. Он использовал их во всю мочь, и у него появился шанс выжить.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и это изменение отразилось на других сторонах повседневной жизни голой обезьяны, что видно из последующих глав. В данный момент нас интересует, каким образом были достигнуты эти результаты и как они сказались на поведенческих привычках голой обезьяны, касающихся охоты и питания.

Поскольку битву надо было выигрывать головой, а не силой, должен был произойти резкий эволюционный скачок, который значительно увеличил бы умственные возможности голой обезьяны. Произошло нечто необычное: обезьяна-охотник стала инфантильной обезьяной. Этот эволюционный прием не нов: он применялся в ряде совершенно разных случаев. Проще говоря, этот процесс (называемый «неотения») обозначает способность организмов сохранять особенности разных стадий своего развития и во взрослом состоянии. (Известным примером является аксолотль, род саламандры: он может всю жизнь оставаться головастиком и способен размножаться в таком состоянии.)

Каким образом процесс неотении помогает мозгу примата расти и развиваться, можно понять, рассматривая нерожденного детеныша обычной обезьяны. Мозг зародыша обезьяны быстро увеличивается в размерах и развивается. Когда животное рождается, его мозг успевает достичь 70 % величины мозга взрослой особи. Остальные 30 % быстро набираются в течение первых шести месяцев жизни животного. Даже у детеныша шимпанзе рост мозга заканчивается через год после его рождения. Если сравнить с нашим видом, то мы обнаружим, что при рождении наш мозг составляет лишь 23 % от размера мозга взрослого индивида. Быстрое его увеличение продолжается в течение первых шести лет жизни, а весь процесс роста мозга прекращается лишь на двадцать третьем году.

Выходит, что у нас с вами процесс роста мозга продолжается приблизительно в течение десяти лет *после* того, как мы достигли половой зрелости. Однако у шимпанзе он заканчивается за шесть или семь лет *до того*, как животное становится способным к размножению. Это

объясняет, что мы имеем в виду, когда говорим, что мы стали инфантильными обезьянами; однако необходимо определить, что это значит. Мы (вернее, наши предки – обезьяны-охотники) стали инфантильными лишь в одном отношении, но не в других. Темпы развития различных наших качеств шли неодинаково. В то время как наши органы размножения быстро развивались, темпы роста мозга отставали. То же происходило и с остальными компонентами нашего организма: одни из них развивались очень медленно, другие понемногу, третьи вовсе не развивались. Иными словами, шел процесс дифференцированного инфантилизма. После того как возникла эта тенденция, естественная селекция способствовала замедлению роста любых компонентов взросления животного, что способствовало его выживанию во враждебной и сложной новой среде. Мозг был не единственным элементом организма, подвергшимся изменениям. Произошли изменения и в осанке животного. У неродившегося млекопитающего ось головы находится под прямым углом к оси туловища. Если бы детеныш появился на свет в таком положении, то его голова смотрела бы вниз при передвижении на четырех конечностях. Однако перед самым рождением ось головы разворачивается назад и совпадает с осью тела. Родившись и начав ходить, он смотрит вперед, как и полагается. Если бы такое животное начало ходить на задних лапах, находясь в вертикальном положении, то его голова смотрела бы в небо. Следовательно, для животного с вертикальным положением тела, каковым является крупная обезьяна-охотник, важно было сохранить то положение головы, какое имел его зародыш. Поэтому, несмотря на новое положение тела при передвижении, его голова должна была смотреть вперед. Именно это и произошло. Перед нами пример неотении, при которой положение зародыша сохранилось и у взрослой особи.

Таким образом можно объяснить возникновение и других физических особенностей обезьяны-охотника: длинную стройную шею, плоское лицо, небольшие зубы (и их позднее появление), отсутствие тяжелых надбровных дуг и отсутствие вращательных функций больших пальцев ног.

Тот факт, что многие особенности животного, существовавшие у него в зародышевом состоянии, оказались потенциально полезными для обезьяны-охотника, и явился эволюционным прорывом, в котором наша обезьяна так нуждалась. Она сумела обзавестись мозгом необходимой величины и подходящим телом. Это существо, находясь в вертикальном положении, могло бегать и удерживать в своих руках оружие. В то же самое время у него развивался мозг, позволявший усовершенствовать это оружие. Более того, существо не только научилось манипулировать различными предметами, но и имело более продолжительный период детства, в течение которого могло перенимать навыки у родителей и других взрослых особей. Детеныши мартышек и шимпанзе – игривые, любознательные и изобретательные существа, но этот период у них быстро проходит. В этом отношении детство голой обезьяны продолжалось до самого полового созревания. У нее было достаточно времени, чтобы подражать и усваивать навыки, выработанные поколениями предков. Недостаточно развитый инстинкт и малая физическая сила с лихвой компенсировались сообразительностью и подражательными способностями. Человек мог перенимать опыт своих родителей, чего не умело делать никакое другое животное.

Однако одного обучения было недостаточно. Требовалась генетическая поддержка. Этот процесс должен был сопровождаться коренными биологическими изменениями в природе обезьяны-охотника. Если бы можно было просто взять типичного обитателя леса – питающегося фруктами примата – и наделить его крупным мозгом и туловищем охотника, то ему было бы трудно стать удачливой обезьяной-охотником, не претерпев дополнительных видоизменений. Его основные поведенческие привычки оказались бы ошибочными. Животное могло бы разумно мыслить, разрабатывать очень толковые планы, но его основные инстинкты не вписывались бы в общую картину. Полученные в результате обучения навыки работали бы против его естественных склонностей, причем не только в отношении питания, но и в отношении

его социального, агрессивного и сексуального поведения и всех других аспектов его прежнего существования в качестве примата. Если бы и здесь не произошли генетически управляемые изменения, то новое воспитание молодой обезьяны-охотника стало бы непосильной задачей. Культурной подготовкой можно достичь многого, однако как бы превосходно ни функционировали мозговые центры, необходима значительная поддержка снизу.

Если мы оглянемся назад и посмотрим на различия между типичным плотоядным и типичным приматом, то сможем понять, как это все приблизительно происходило. Развитое плотоядное отделяет действия, связанные с поиском пищи (охота и убийство), от действий, связанных с питанием. И те и другие превратились в две обособленные системы мотивации, лишь частично зависящие друг от друга. Это произошло из-за того, что весь процесс слишком длителен и трудоемок. Процесс питания слишком отдален по времени, поэтому процесс убийства должен стать наградой сам по себе. Исследование представителей семейства кошачьих показало, что их действия подразделяются на несколько этапов. Поймать добычу, убить, приготовить (ободрать), съесть ее – каждое из этих действий обусловлено независимой мотивацией. Если достигнута одна цель, то это не означает, что автоматически достигаются и все остальные. Такой порядок следовало менять, и, говоря об обезьяне-охотнике, менять коренным образом. Охота сама по себе должна была стать наградой, она более не могла выступать в качестве аппетитной приманки, завершающейся трапезой. Возможно, как и в случае с кошачьими, охота, убийство и приготовление пищи должны были стать самостоятельными этапами, каждый из которых имеет свое завершение, а завершение одного из них не должно было подавлять желание завершить другие. Если мы изучим (что мы и сделаем в одной из последующих глав) поведение при кормежке современных голых обезьян, то обнаружим множество указаний на то, что нечто подобное действительно происходило.

Став биологическим (в отличие от культурного) убийцей, обезьяна-охотник, помимо того, была вынуждена внести временные поправки в свои поведенческие особенности, связанные с питанием. Частые трапезы отошли в прошлое, на смену им пришли редкие, но зато обильные пиршества. Возникла необходимость хранить пищу. В поведенческую систему потребовалось встроить главную тенденцию – возвращаться в постоянное логово. Нужно было усовершенствовать умение ориентироваться и определять нужное направление. Нужно было решить проблему отправления естественных потребностей. На смену коммунальным поведенческим привычкам (примата) должны были прийти привычки одиночки (плотоядного).

Я отмечал ранее, что использование постоянного логова может привести к появлению блох у его обитателей. Я также утверждал, что у плотоядных заводятся блохи, а у приматов – нет. Если обезьяна-охотник отличалась от остальных приматов тем, что имела постоянное логово, то следует предположить, что она нарушила правило приматов касательно блох, как, похоже, оно и оказалось. Мы знаем, что в настоящее время на представителях нашего вида паразитируют эти насекомые и что у нас есть свой собственный, отличающийся от остальных, вид блох, который возник вместе с нами. Если бы у него, у этого вида, было достаточно времени для того, чтобы превратиться в новый вид, то он сосуществовал бы рядом с нами очень давно, став нежелательным спутником в ранний период нашего существования как обезьян-охотников.

В социальном плане у обезьяны-охотника должна была усилиться тяга к общению и сотрудничеству со своими сородичами. Должны были усложниться мимика лица и речевые навыки. Умея обращаться с оружием, обезьяна-охотник должна была разработать такие сигналы, которые исключали бы взаимные нападения членов сообщества. В то же время, вынужденная защищать свое постоянное жилище, она должна была выработать более агрессивную реакцию по отношению к представителям других враждебных сообществ.

Вследствие требований, выдвигаемых новыми условиями жизни, животное должно было подавить в себе свойственное приматам сильное желание никогда не отрываться от основной массы сородичей.

Приобретая навыки сотрудничества, а также учитывая нерегулярное поступление пищи, животное должно было научиться делиться ею. Подобно волкам, упомянутым ранее, обезьяна-охотник тоже должна была приносить пищу домой – самкам и их медленно подрастающим детенышам. Такого рода отцовский инстинкт явился новой чертой, поскольку общая особенность приматов заключается в том, что почти вся родительская забота исходит от матери. (Лишь разумный примат, вроде нашей обезьяны-охотника, знает собственного отца.)

Из-за чрезвычайно продолжительного периода воспитания чад и множества требований, предъявляемых ими, самки оказались постоянно привязанными к своему логову. В этом отношении новый образ жизни обезьяны-охотника создал особую проблему, которая шла вразрез с поведением типичных плотоядных: потребовалась более четкая дифференциация роли полов. В отличие от сообществ хищников, охотничьи группы должны были состоять исключительно из самцов. Именно это обстоятельство шло вразрез с тенденциями, господствовавшими среди приматов. Чтобы взрослый примат-самец отправился в поход за пищей, оставив своих самок незащищенными от знаков внимания со стороны других самцов, которые могли оказаться поблизости, – это было чем-то неслыханным. Ни один уровень культурного развития не мог допустить такого. Был необходим мощный сдвиг в социальном поведении вида.

Этим сдвигом оказалось возникновение брачных пар. Обезьяны-охотники обоего пола должны были влюбляться и оставаться верными друг другу. Такого рода практика характерна для многих других видов животных, но редко встречается у приматов. Это означает, что самки закреплены за определенными самцами и оставались верными им во время их отсутствия. Подразумевалось, что это значительно снизит степень опасности возникновения серьезных распрей на сексуальной почве между самцами. Данное обстоятельство способствовало сотрудничеству между представителями вида. Для успешной охоты было необходимо, чтобы как более слабые, так и более сильные самцы выполняли свои обязанности. Они должны были играть центральную роль в обществе, и их нельзя было отодвинуть на задворки, как это происходит во многих сообществах приматов. Более того, располагая недавно появившимся у него изготовленным смертоносным оружием, самец обезьяны-охотника испытывал сильный соблазн устранить любой источник разногласий среди представителей своего племени. Возникновение ячейки типа «один самец – одна самка» благоприятно сказывалось и на молодняке. Трудная задача по воспитанию и подготовке медленно развивающегося детеныша требовала спаянной семьи. Когда нагрузка на одного родителя становится слишком велика, в других сообществах животных, будь то рыбы, птицы или млекопитающие, появляется прочный союз, соединяющий родителей обоих полов в течение всего периода воспитания детенышей. Именно это произошло и с обезьяной-охотником.

В результате самки стали уверены в поддержке со стороны своих самцов и могли целиком посвятить себя материнским обязанностям. Самцы же теперь могли избегать стычек с соперниками, они были уверены в верности своих подруг и могли со спокойной душой покидать их, отправляясь на охоту. Молодняк был обеспечен максимальной заботой и вниманием. Конечно, такое разрешение проблемы представляется нам идеальным, но оно подразумевало и коренные изменения в социосексуальном поведении индивидов. Как мы убедимся впоследствии, процесс этот так и не был по-настоящему усовершенствован. Судя по поведению нашего вида в настоящее время, эта тенденция не была доведена до конца. Наши древние инстинкты приматов то и дело дают о себе знать, пусть и не в столь выраженной форме.

Вот таким образом обезьяна-охотник вошла в роль убийцы-плотоядного и изменила соответственно привычки, свойственные примату. Я предположил, что это были коренные, биологические, а не просто культурные перемены и что таким образом новое существо стало

изменяться на генетическом уровне. Вы можете считать, что это необоснованное предположение. Возможно, вы полагаете (таково воздействие культурного воспитания!), что эти видоизменения вполне могли произойти за счет обучения и возникновения новых традиций. Я лично в этом сомневаюсь. Стоит лишь взглянуть на сегодняшнее поведение представителей нашего вида, чтобы убедиться в ошибочности такого мнения. Культурное развитие позволило нам достичь впечатляющих успехов в плане техники, однако всякий раз, когда сталкиваются прогресс и наши основные биологические свойства, прогресс встречает сильное сопротивление. Основы нашего поведенческого характера, заложенные в эпоху, когда мы были обезьянами-охотниками, просматриваются во всех наших поступках, какими бы возвышенными они ни были. Если бы организация нашей ранней деятельности – наше питание, наш страх, наша агрессивность, наша сексуальная жизнь, наше родительское попечение – развивались исключительно средствами культуры, то, без сомнения, к настоящему времени мы сумели бы лучше контролировать свое поведение и видоизменять его таким образом, чтобы удовлетворять растущим требованиям, предъявляемым нам нашими техническими достижениями. Но этого не произошло. Мы то и дело склоняли голову перед своей животной природой и молча признавали существование того зверя, со всеми его особенностями и капризами, который шевелится внутри нас. Если мы хотим быть честными, то признаемся, что понадобятся миллионы лет и такой же генетический процесс, который создал нас, чтобы изменить существующее положение. Тем временем наши невероятно сложные цивилизации смогут процветать лишь в том случае, если мы создадим их так, чтобы они не вступали в конфликт или не подавляли наши основные животные потребности. К сожалению, наш разум не всегда находится в гармонии с нашими чувствами. Существует масса примеров, показывающих, как развитие общества в неверном направлении заканчивалось или его гибелью, или застоєм.

В последующих главах мы попытаемся понять, как это происходило, но прежде всего нужно ответить на один вопрос – тот самый, который был задан в начале главы. Впервые столкнувшись с этим странным видом животного, мы заметили в нем одну особенность, выделившую его из длинного ряда приматов. Эта особенность – отсутствие волосяного покрова, что заставило меня как зоолога дать этому существу название «голая обезьяна». Мы уже успели убедиться, что ему можно было дать множество других подходящих названий: «прямоходящая обезьяна»; «обезьяна, изготавливающая орудия»; «мозговитая обезьяна»; «территориальная обезьяна» и т. д. Но эти особенности мы заметили не в первую очередь. Если бы мы рассматривали это существо как экспонат в зоологическом музее, то прежде всего нам в глаза бросилась бы его нагота. Именно этого названия мы и будем придерживаться хотя бы для того, чтобы соответствовать другим зоологическим исследованиям и помнить о специфическом подходе к данной проблеме. Но каково же значение этого странного отличия? С чего бы это обезьяна-охотник стала голой обезьяной?

К сожалению, когда речь идет об установлении различий между кожным и волосяным покровом, нам не могут помочь результаты раскопок, поэтому мы не знаем, когда именно произошло это обнажение. Мы можем довольно уверенно сказать, что случилось это не раньше, чем наши предки покинули свои лесные жилища. Это обстоятельство настолько удивительно, что, как нам представляется, возникло оно в результате великого преобразовательного процесса, развернувшегося на открытых пространствах. Но как именно это произошло и что помогло выжить появившейся там обезьяне?

Вопрос этот давно мучит специалистов, и было выдвинуто много самых невообразимых теорий. Одна из наиболее перспективных заключается в том, что случившееся стало неотъемлемой частью процесса неотении. Если вы внимательно посмотрите на новорожденного детеныша шимпанзе, то увидите, что голова у него покрыта шапкой волос, в то время как туловище почти голое. Если бы в результате неотении такая внешность сохранялась и в дальнейшем, то у взрослого шимпанзе волосяной покров был бы таким же, как у нас.

Любопытно, что у нашего вида это обусловленное неотенией подавление роста волос не было усовершенствовано окончательно. Растущему зародышу свойственна типичная для млекопитающих волосатость, поэтому между шестым и восьмым месяцем жизни в матке он оказывается почти целиком покрыт тонкой шерстью, похожей на пух. Эта оболочка зародыша, от которой он освобождается лишь перед самым рождением, называется «лануго». Иногда недоношенные дети – к ужасу своих родителей – появляются на свет в лануго, первичном волосяном покрове, который за редким исключением быстро сбрасывается. Зарегистрировано всего лишь около тридцати случаев, когда появлялось потомство, сохранившее волосяной покров и в зрелом возрасте.

И все-таки у взрослых особей нашего вида довольно много волос на теле – больше, чем у наших сородичей-шимпанзе. Речь идет не о длинной шерсти, а о мелких волосках. (Кстати, это относится не ко всем расам – у негров волосяной покров действительно отсутствует.) На основании данного факта некоторые знатоки анатомии заявляют, что мы не вправе считать себя безволосыми, или голыми, животными. А один видный ученый даже заявил, что утверждение, мол, «мы являемся наименее волосатыми из всех приматов», весьма далеко от истины; так что «многочисленные нелепые теории, объясняющие мнимую утрату нами волос, к счастью, не нужны». Заявление это – чистейший вздор. Это все равно что сказать: поскольку у слепого есть два глаза, он не слеп. С функциональной точки зрения мы совершенно наги, наш кожный покров никак не защищен от воздействия внешней среды. Такое положение вещей все же необходимо объяснить независимо от того, сколько мелких волосков мы можем сосчитать, разглядывая их в лупу.

Ссылки на неотение лишь показывают нам, каким образом появилась нагота. Она никак не объясняет пользу обнаженности как новой характеристики, которая помогла голой обезьяне выжить во враждебной окружающей среде. Можно утверждать, что никакой пользы от наготы не было, что она была побочным продуктом других, более существенных неотенических изменений, как, например, развитие мозга. Но, как мы уже видели, неотения – это процесс дифференцированного замедления развития. Некоторые черты замедляются в своем развитии в большей степени, чем другие, – скорость роста выбивается из фазы. Поэтому едва ли такой потенциально опасный признак инфантилизма, как нагота, мог сохраняться только из-за того, что замедлялось развитие других характеристик. Если бы эта особенность не представляла собой какой-то ценности, то она была бы быстро устранена путем естественного отбора.

Так какую же пользу с точки зрения выживания имел голый кожный покров? Одно из объяснений заключается в следующем. Когда обезьяна-охотник рассталась со своей прежней кочевой жизнью и перешла к оседлой, в ее логове завелись полчища паразитов. Использование одних и тех же лежбищ изо дня в день, как предполагают, было чрезвычайно благоприятным для появления там множества всевозможных зудней, клещей, блох и клопов, ставших опасным источником инфекции. Сбросив с себя волосяной покров, пещерный житель сумел справиться с проблемой.

Возможно, в этой гипотезе есть доля истины, но едва ли такая причина сыграла решающую роль. Лишь немногие млекопитающие, обитавшие в пещерах – а их были сотни, – пошли на такую меру. Тем не менее, если нагота была обусловлена каким-то другим обстоятельством, то, возможно, проще было бы отделаться от надоевших паразитов. Такая задача и поныне отнимает уйму времени у более волосатых приматов.

Возникает еще одно предположение. Обезьяна-охотник отличалась такой неаккуратностью во время еды, что покрытая шерстью шкура вскоре становилась неопрятной, пачкалась и превращалась в источник инфекции. Отмечено, что стервятники, которые погружают клюв и шею во внутренности павшего животного, утрачивают перья на этих частях тела. Возможно, то же самое произошло и с волосяным покровом обезьян-охотников, распределенным по всему телу. Однако умение создавать орудия для убийства и свежевания добычи вряд ли возникло

у охотника ранее умения использовать другие предметы для очистки шкуры. Даже шимпанзе, обитающая в джунглях, когда у нее возникают проблемы с дефекацией, использует в качестве туалетной бумаги листья.

Было даже выдвинуто предположение, что утрата волосяного покрова связана с появлением огня. Утверждают, что обезьяна-охотник вынуждена была зябнуть лишь ночью, а оказавшись у костра, могла обойтись без шкуры ночью и не бояться жары днем.

Другая, еще более оригинальная теория состоит в том, что, прежде чем стать обезьяной-охотником, ее предок, вышедший из леса и начавший жить на открытой местности, прошел длительную стадию обитателя водной среды. Представим себе, как животное перемещается к побережью тропических морей в поисках пищи. Там оно находит относительное изобилие моллюсков и других обитателей прибрежной зоны. Выбор пищи здесь гораздо богаче, и она гораздо привлекательнее, чем на равнине. Сначала животное ищет пищу в лужах среди камней и на мелководье, но со временем ему приходится заплывать на более глубокие участки и нырять в поисках еды. Утверждают, что во время этого процесса обезьяна и утратила волосяной покров подобно другим млекопитающим, вернувшимся к морю. Только на голове, возвышавшейся над водой, сохранились волосы, защищавшие голову от ярких солнечных лучей. Позднее, когда ее инструменты (первоначально приспособленные для вскрытия раковин моллюсков) стали достаточно сложными, она удалилась от побережья и стала жить на суше, промышляя охотой.

Утверждают, что эта теория объясняет, почему мы так подвижны в воде, в то время как наши сородичи-шимпанзе столь беспомощны и быстро тонут. Она объясняет также обтекаемую форму нашего тела и даже вертикальное положение туловища, которое, по мнению некоторых ученых, появилось у нас по мере того, как мы забредали на все более глубокие участки прибрежных вод. Теория эта также объясняет необычный характер волосяного покрова нашего тела. При внимательном изучении расположения волосков мы обнаруживаем поразительные отличия от того, как ориентирован волосяной покров у остальных крупных обезьян. У нас волоски направлены назад и внутрь, под углом к позвоночнику. Такое направление совпадает с направлением потока воды, рассекаемого телом пловца, и указывает на то, что если волосяной покров изменился до его утраты, то это произошло с целью уменьшить сопротивление воды при плавании. Также отмечается, что мы единственные из всех приматов, у которых имеется толстый слой подкожного жира, являющегося природным изолятором. Подчеркивается, что никакого иного объяснения такой особенности нашей анатомии не выдвигалось. Даже чувствительность наших рук используется в поддержку акватической теории. Действительно, довольно грубая конечность сможет удерживать камень или палку, однако, чтобы отыскивать пищу в воде, нужна достаточно чувствительная рука. Возможно, именно таким образом крупная обезьяна, обитавшая на земле, приобрела сверхразвитые передние конечности, которые она и передала по наследству обезьяне-охотнику. Наконец, акватическая теория выводит из себя палеонтологов, указывая на то, что они до сих пор не сумели объяснить отсутствующее звено в нашем прошлом, и советуя им взять на себя труд произвести поиски в тех областях, которые представляли собой африканское побережье миллион лет назад или около того. В таком случае они смогли бы найти кое-что полезное для себя.

К сожалению, этого не было сделано и, несмотря на любопытные косвенные данные, надежного подтверждения акватическая теория не получила. Она убедительно объясняет наличие ряда особенностей у человека, но требует взамен согласиться с существованием важной гипотетической фазы в эволюции, не имеющей доказательств ее существования. (Даже если впоследствии теория окажется правильной, она не будет сильно противоречить общепринятой картине превращения обезьяны, живущей на открытом пространстве, в обезьяну-охотника. Это будет всего лишь означать, что сухопутная обезьяна прошла целительный обряд крещения.)

Приводится еще один аргумент в пользу совершенно новой теории. Утверждается, что утрата волосяного покрова была не реакцией на физические изменения в среде, а тенденцией социального порядка. Иными словами, что это произошло не механически, а в качестве сигнала на социальный климат. Голые участки кожи можно увидеть у многих видов приматов, а в некоторых случаях они, по-видимому, служат в качестве видовых опознавательных знаков, позволяющих одной обезьяне определить, принадлежит ли встреченная ею обезьяна к тому же или иному виду. Утрата волос обезьяной-охотником рассматривается просто как произвольно выбранная характеристика, которая была принята данным видом в качестве родового признака. Не приходится сомневаться, что полная нагота сделала голую обезьяну поразительно узнаваемой, но существует множество других, не столь радикальных способов достичь той же самой цели, не жертвуя ценным изолирующим покровом.

Согласно еще одной теории, утрата волос явилась своего рода продолжением сексуальной сигнализации. Утверждается, что самцы млекопитающих обычно более волосаты, чем самки, и что, подчеркивая это различие, голая самка-обезьяна могла стать сексуально более привлекательной для самца. Тенденция к утрате волос могла коснуться и самца, но в меньшей степени и при наличии таких контрастных участков, как борода.

Последняя мысль вполне может объяснить различия в характере волосяного покрова у противоположных полов, и все же утрата защитного слоя была слишком высокой ценой одной лишь сексуальной привлекательности даже при наличии подкожного жира, отчасти компенсирующего потерю волос. Одна из модификаций этой теории состоит в том, что не столько внешний вид, сколько осознание имело значение в сексуальном смысле. Соприкасаясь обнаженными телами во время полового акта, как самка, так и самец острее чувствовали эротическое возбуждение. У вида, у которого появилось деление на пары, это обостряло бы чувства и укрепляло брачный союз благодаря большему удовлетворению от соития.

Пожалуй, наиболее распространенное объяснение наготы заключается в том, что она появилась как способ охлаждения тела. Покинув тенистые леса, обезьяна-охотник стала подвергаться воздействию более высоких температур, чем те, которые она испытывала прежде. Предполагается, что животное освободилось от своего теплого покрова с целью избежать перегрева. На первый взгляд объяснение довольно убедительное. Действительно, в жаркий летний день мы снимаем с себя пиджак. Но при ближайшем рассмотрении гипотеза не выдерживает критики. Прежде всего ни одно другое животное (приблизительно одинаковых с нами размеров), оказавшись на открытой местности, такого шага не совершило. Иначе мы увидели бы голых львов и бесшерстных шакалов. А между тем и те и другие сохранили шкуры с короткой, но плотной шерстью. На открытом воздухе голая кожа, конечно, может переохлаждаться, но ее наличие в то же самое время увеличивает перегрев тела и риск ожога солнечными лучами, как это известно любому почитателю загара. Опыты в пустыне показали, что легкая одежда может способствовать потере тепла за счет уменьшения влагоотделения, но она также уменьшает перегрев тела на 55 % по сравнению с тем, которому подвергается полностью обнаженный человек. Однако при действительно высоких температурах лучшей защитой является плотная свободная одежда, которую носят жители арабских стран. Она уменьшает тепловое воздействие, но в то же время позволяет воздуху циркулировать вокруг тела и способствовать испарению выделяемого пота.

Очевидно, ситуация сложнее, чем кажется на первый взгляд. Многое будет зависеть от конкретной температуры окружающей среды и интенсивности солнечного облучения. Даже если предположить, что климат способствовал утрате волосяного покрова – то есть он был умеренно, но не чересчур жарким, – нам все-таки придется объяснить разительное отличие кожного покрова голой обезьяны от других плотоядных, обитающих на открытой местности.

Есть только один способ сделать это, и он, возможно, даст лучший ответ на проблему нашей наготы. Существенная разница между обезьяной-охотником и его соперниками-плото-

ядными состояла в том, что обезьяна не была физически подготовлена к совершению молниеносных бросков на жертву и далее к продолжительному ее преследованию. Но именно этого ей предстояло добиться. Примат-охотник преуспел благодаря более развитому мозгу, что привело к умению ловко маневрировать и изготавливать более смертоносные орудия. И все же такие усилия, должно быть, приводили к огромным физическим нагрузкам. Преследование было настолько необходимым, что животному пришлось смириться с такими нагрузками. Однако при этом оно, вероятно, испытывало значительный перегрев тела. Возникло мощное давление в категориях естественного отбора, чтобы уменьшить перегрев подобного рода. Поощрялось любое улучшение, даже за счет потерь в других направлениях. От решения проблемы зависело само существование вида. Наверняка это было ключевым фактором в процессе превращения волосатой обезьяны-охотника в голую обезьяну. Благодаря неотении, способствовавшей этому процессу, наличие второстепенных благоприятных факторов, о которых мы уже упоминали, решения оказались жизнеспособными. Избавившись от плотного волосяного покрова и увеличив количество потовых желез на всей поверхности тела, можно было достичь значительного охлаждения – и не для повседневной размеренной жизни, а для решительных моментов преследования. При этом в изобилии вырабатывается испаряющаяся жидкость, покрывающая обдуваемые воздухом напряженные члены и все тело охотника.

Разумеется, эта система была бы бесполезной, если бы климат оказался слишком жарким и мог привести к повреждениям обнаженной кожи, но в умеренно теплых климатических условиях она была приемлемой. Интересно отметить, что одновременно происходило создание подкожного жирового слоя, что указывает на необходимость поддержания температуры тела при других обстоятельствах. Если кому-то покажется, что наличие такого слоя с лихвой компенсирует утрату волосяного покрова, то следует вспомнить, что жировой слой способствует сохранению тепла тела при низкой температуре, не препятствуя испарению пота в случае перегрева тела. Сочетание уменьшения площади волосяного покрова с увеличением количества потовых желез и наличием слоя подкожного жира, по-видимому, дало нашим трудолюбивым предкам именно то, что им было необходимо для охоты, ставшей одной из самых главных потребностей при новом способе жизни.

Вот она стоит – прямоходящая, занимающаяся охотой, владеющая оружием, территориальная, неотеническая, мозговитая Голая Обезьяна – примат по происхождению и плотоядная по выбору, – готовая завоевать мир. Но это совсем новое, экспериментальное создание, а у новых изделий зачастую бывают недостатки. Для нашего героя главные проблемы будут связаны с тем, что обусловленные культурой успехи будут обгонять его генетическое развитие. Гены не смогут справиться с предложенным темпом и будут постоянно напоминать ему, что при всех обусловленных окружающей средой успехах он, по существу своему, остается голой обезьяной.

Тут мы можем оставить его прошлое и посмотреть, каково ему живется сегодня. Как ведет себя современная голая обезьяна? Как она решает старые как мир проблемы, связанные с питанием, борьбой за свое место под солнцем, брачной жизнью и воспитанием потомства? В какой мере компьютеру, встроенному в мозг, удалось реорганизовать ее животные инстинкты? Возможно, ей пришлось пойти на большие уступки, чем она склонна признаться. Посмотрим.

2

Брачные отношения

С точки зрения сексуальности голая обезьяна оказывается в довольно двусмысленном положении. Будучи приматом, она влекома в одну сторону, будучи плотоядным – в другую, а будучи членом сложного цивилизованного общества – в третью.

Начнем с того, что всеми своими сексуальными качествами наш герой обязан предкам – питавшимся фруктами лесным обезьянам. Затем его характеристики коренным образом изменились, чтобы соответствовать новому образу жизни обитателя открытой местности, промышленявшего охотой. Это было достаточно трудно, но затем эти характеристики пришлось приспособить таким образом, чтобы они удовлетворяли быстрому развитию все более усложнявшейся культурно-детерминированной социальной структуры.

Первое из этих изменений при превращении сексуального сборщика плодов в сексуального охотника происходило в течение довольно продолжительного периода времени и достаточно успешно. Второе из этих изменений произошло менее успешно. Оно осуществлялось слишком быстро и должно было определяться разумом и научно обоснованным сдерживанием своих импульсов, а не биологическими переменами, основанными на принципах естественного отбора. Можно сказать, что не столько развитие цивилизации изменило наше современное сексуальное поведение, сколько сексуальное поведение определило формы, которые приняла цивилизация. Если кому-нибудь это покажется слишком смелым заявлением, то сперва позвольте мне изложить свои соображения, а затем, в конце главы, мы можем вернуться к нашему спору.

Прежде всего мы должны установить, как именно ведет себя сегодня голая обезьяна в сексуальном смысле. Сделать это не так просто, как кажется, из-за большого разнообразия как сообществ, так и нравов внутри их. Единственный выход – это взять усредненные результаты из большой выборки наиболее благополучных обществ. Малочисленными, отсталыми, неблагополучными обществами мы, как правило, будем пренебрегать. У них могут существовать обворожительные и своеобразные сексуальные обычаи, но с биологической точки зрения они более не принадлежат к основному ходу эволюции. Вполне возможно, что именно необычность их сексуального поведения способствовала тому, что как социальные группы они не добились успеха.

Большая часть сведений, которыми мы располагаем, получена на основании доскональных исследований, проведенных за последние годы в Северной Америке и основанных главным образом на этой культуре.

Сексуальное поведение нашего вида включает три характерные фазы: образование пар; действия, предшествующие соитию; собственно соитие. Обычно, но не всегда эти действия происходят именно в таком порядке. Стадия образования пар, обычно называемая ухаживанием, по меркам животных чересчур протяженна и зачастую длится неделями и даже месяцами. Как это происходит и с многими другими видами, эта стадия характеризуется экспериментальным, противоречивым поведением, где боязнь и агрессивность сталкиваются с сексуальным притяжением. Если взаимные сексуальные сигналы сильны, то нервозность и неуверенность постепенно сходят на нет. К таким сигналам относятся сложная мимика, позы, звуки голоса. Последние могут носить специфический и символический характер, но те и другие воспринимаются представителем противоположного пола совершенно однозначно. О флиртующих часто говорят, что они «воркуют», обмениваясь милыми, ничего не значащими словами. Это выражение точно определяет, насколько важнее тон, которым произносятся слова, чем их содержание.

После начальных стадий визуальных и звуковых авансов происходят элементарные соприкосновения. Обычно это случается во время прогулок, которые теперь значительно учащаются. За касанием пальцев и рук следуют прикосновения лица к лицу и поцелуи. Затем начинаются объятия – как в неподвижном состоянии, так и во время движения. Мы частенько наблюдаем, как влюбленные внезапно срываются с места, бегают друг за другом, прыгают, танцуют. К ним в этот период может вернуться их юношеская игривость.

Значительная часть процесса образования пары может происходить и на публике, но, когда процесс переходит в предкопуляционную стадию, партнеры ищут уединения и последующие их действия происходят как можно дальше от остальных представителей вида. При наступлении предкопуляционной фазы удивительно часто принимается горизонтальное положение. Телесные контакты становятся более интенсивными и продолжительными. Несильные соприкосновения боками сменяются тесными объятиями. В таком положении, когда партнеры находятся лицом к лицу, они могут пребывать несколько минут и даже часов. При этом звуковые и визуальные сигналы все чаще теряют значение, зато учащаются физические контакты. Партнеры касаются друг друга пальцами, руками, губами и языком. Частично или целиком снимается одежда, и происходит стимуляция кожного покрова на максимально большей площади тела.

На этой стадии партнеры прижимаются ртами особенно часто и долго – то едва касаясь, то с невероятной силой. В момент наивысшего напряжения губы раскрываются, и в рот партнера всовывается язык. Затем активными движениями языка стимулируется чувствительная кожа полости рта. Губами и языком партнеры прикасаются и ко многим другим участкам тела, в частности – к мочкам ушей, шее и гениталиям. Самец обращает особенное внимание на груди и соски подруги. Касание их губами и языком превращается в старательное их вылизывание и сосание. Помимо того что к ним притронулись однажды, гениталии могут стать объектом новых ласк. Когда это происходит, мужчина сосредоточивается главным образом на клиторе подруги, а та – на пенисе, хотя оба партнера не забывают и об остальных участках тела.

Различные части тела партнеры не только целуют, но и покусывают. Обычно кожу легонько щекочут, пощипывают, но бывает, что и сильно, даже больно кусают.

Вместе с оральным возбуждением тела партнера происходит мануальная стимуляция его кожного покрова. Руки и пальцы изучают всю его поверхность, в особенности сосредоточиваются на лице, а в состоянии сильного возбуждения – на ягодицах и области гениталий. Мужчину особенно привлекают женские груди и соски. Он неоднократно поглаживает их и ласкает. Время от времени сжимает с силой и может ногтями впиться в плоть. Бывает, что женщина сжимает в руке пенис или ритмично поглаживает его, имитируя движения при копуляции. Мужчина, в свою очередь, ласкает, зачастую ритмичными движениями, женские гениталии, в особенности клитор.

Вдобавок к этим соприкосновениям ртом, руками и всей поверхностью тела наблюдается усиление предкопуляционной активности: оба ритмично трутся гениталиями о тело друг друга. Все чаще руки и ноги обоих переплетаются, что сопровождается мощными сокращениями мускулов. Все тело пребывает в напряжении, за которым следует расслабление.

Таковы сексуальные стимулы, посылаемые партнерами во время периодов предкопуляционной активности, которые в достаточной мере физиологически возбуждают партнеров, подготовив их к соитию. Половой акт начинается с того, что мужской член вводится во влагалище женщины. Обычно это происходит в таком положении, когда оба обращены лицом друг к другу. Мужчина находится на женщине, лежащей с раздвинутыми ногами в горизонтальном положении. Как мы увидим позднее, существует много вариантов этой позиции, но описанная – самая простая и типичная. Затем мужчина начинает совершать ритмичные движения тазом. Движения могут значительно различаться по силе и скорости, но в обычных условиях они довольно часты и энергичны. По мере продолжения соития появляется стремление сократить прикос-

новения ртом и руками, во всяком случае, они становятся не столь изысканными и сложными. Однако эти ставшие теперь вспомогательными формы взаимного возбуждения продолжают в течение большей части акта.

Фаза копуляции обычно менее продолжительна, чем предкопуляционная стадия. В большинстве случаев, если акт преднамеренно не затягивается, мужчина достигает завершающей стадии – семяизвержения – через несколько минут. Похоже, что самки других приматов не испытывают оргазма при совокуплении, но голая обезьяна уникальна в этом отношении. Если мужчина продолжает половой акт, то удовлетворение от него получает и женщина. Оргазм у нее проходит столь же бурно и приводит к такой же эмоциональной разрядке, как и у мужчины; единственное отличие – семяизвержения у нее не бывает. Некоторые женщины достигают такого момента («кончают») очень быстро, с другими этого вовсе не происходит, но в среднем оргазм достигается спустя десять-двадцать минут после начала соития.

Странно, что существует такое различие во времени, необходимом для достижения мужчиной и женщиной завершающей стадии копуляции и разрядки эмоционального возбуждения. Этот вопрос придется детально обсуждать позднее, когда мы станем рассматривать функциональное значение разных типов сексуального поведения. В данный момент достаточно отметить, что мужчина может преодолеть фактор времени и вызвать у женщины оргазм, продляя или усиливая предкопуляционное стимулирование, так что она оказывается достаточно возбужденной еще до того, как в нее вводится член, или же может прибегнуть при копуляции к особой тактике с целью задержать момент эякуляции (семяизвержения). Он также может продолжить половой акт сразу после эякуляции, пока у него продолжается эрекция, или же, немного отдохнув, повторить копуляцию. В последнем случае не столь интенсивное желание партнера автоматически приведет к тому, что в этот раз ему потребуется больше времени, чтобы испытать оргазм. Таким образом, теперь останется удовлетворенной и женщина.

После того как оба партнера достигли цели, обычно следует продолжительный период отдыха, сопровождающийся чувством усталости, расслабленности, а зачастую и сном. От сексуальных стимулов мы теперь должны перейти к ответным сексуальным реакциям. Каким же образом реагирует организм на все это интенсивное стимулирование? У обоих полов наблюдается усиленное сердцебиение, повышенное кровяное давление и учащенное дыхание. Такие изменения начинают происходить в период предкопуляционной активности и достигают максимума в момент наивысшего сексуального удовлетворения. Частота пульса, которая в нормальных условиях составляет 70–80 ударов в минуту, достигает 90–100 ударов на ранних этапах полового возбуждения, увеличивается до 130 ударов при сильном возбуждении и до 150 ударов – в момент оргазма. Кровяное давление, вначале составляющее 120, увеличивается до 200 и далее 250 в момент эякуляции. Дыхание становится более глубоким и учащенным по мере возбуждения партнеров, а с приближением оргазма становится прерывистым, зачастую сопровождаемым ритмичным постаныванием или мычанием. В момент оргазма лицо искажено, рот открыт, ноздри раздуты, как у спортсмена в минуты наивысшего напряжения сил или у человека, ловящего ртом воздух.

Еще одна важная перемена, которая происходит в человеке при сексуальном возбуждении, состоит в резком изменении распределения количества крови, которая устремляется от внутренних органов к поверхности тела. Это поступление дополнительных объемов крови к кожным покровам приносит ряд поразительных результатов. Тело не только становится горячим на ощупь – это любовная лихорадка, – но и происходят своеобразные изменения на отдельных его участках. При высоких степенях сексуального возбуждения на них появляется характерная окраска. Чаще всего это наблюдается у женщин. Сначала розовеет кожа в области желудка и верхней части живота, затем краской покрывается верхняя часть груди, бока, ее середина и, наконец, нижняя часть. Лицо и шея могут также покрыться краской. У крайне возбудимых женщин она может распространиться на подбрюшье, плечи, локти, а при наступ-

лении оргазма – на ляжки, ягодицы и спину. В некоторых случаях краской может покрыться вся поверхность тела. Явление это называется любовным румянцем. Оно, по-видимому, представляет собой визуальный сексуальный сигнал. Подобное случается и с мужчиной, но реже. У него также покрывается краской подвздошная область, затем грудь, шея и лицо. Иногда окрашиваются плечи, предплечья и ляжки. Как только оргазм наступил, любовный румянец тотчас исчезает, причем в обратной последовательности.

Вдобавок к любовному румянцу и всеобщему расширению сосудов наблюдается и заметная гиперемия (застой крови) различных органов, увеличивающихся в объеме. Застой крови происходит в результате того, что артерии подают кровь в эти органы быстрее, чем вены могут ее оттуда удалить. Такое состояние может сохраняться в течение продолжительных отрезков времени, поскольку сама гиперемия кровеносных сосудов в этих органах препятствует оттоку венозной крови. Это происходит с губами, носом, мочками ушей, сосками и гениталиями у обоих полов, а также с женскими грудями. Губы распухают, краснеют и выпячиваются. Мягкие части носа наливаются кровью, ноздри раздуваются. Утолщаются и мочки ушей. Соски, в особенности у женщин, увеличиваются и твердеют. (Это происходит не только вследствие гиперемии, но и из-за сокращения сосковых мускулов.) Длина женских сосков увеличивается на целый сантиметр, а диаметр – на полсантиметра. Область пигментации вокруг соска также разбухает и темнеет. Это происходит только у женщин. Груды у них также заметно увеличиваются. К моменту наступления оргазма объем грудей у женщины в среднем увеличивается на 25 %. Они становятся тверже, круглее и объемнее.

По мере усиления сексуального возбуждения гениталии у обоих полов также претерпевают значительные изменения. Гиперемия стенок влагалища вызывает его быструю смазку. В некоторых случаях это происходит спустя несколько секунд после начала любовных игр. Две трети влагалища увеличивается в длину и в ширину. На стадии наивысшего сексуального возбуждения общая длина влагалища достигает десяти сантиметров. С приближением оргазма раздувает наружная треть вагинальной полости, а в момент оргазма происходит сокращение этой области, продолжающееся две-четыре секунды, после чего следуют ритмичные сокращения с интервалами в 0,8 секунды. При очередном оргазме бывает от трех до пятнадцати сокращений такого рода.

При сексуальном возбуждении женские наружные половые органы заметно набухают. Наружные половые губы раздвигаются, распухают и могут увеличиться по размеру в два-три раза по сравнению с их обычным состоянием. Внутренние губы также увеличиваются в два-три раза и, набухая, раздвигают защитную завесу наружных губ, увеличивая тем самым на сантиметр общую длину влагалища. По мере усиления сексуального возбуждения с внутренними губами происходит еще одна разительная перемена. Успев подвергнуться гиперемии, выступая наружу, они изменяют цвет и становятся ярко-красными.

Клитор (женский орган, соответствующий пенису) также увеличивается в размерах при сексуальном возбуждении, но при сильных его степенях набухшие наружные губы маскируют это изменение, и клитор оказывается под их завесой. На этом этапе он не может стимулироваться с помощью пениса, но, поскольку клитор увеличен и особенно чувствителен, ритмичными движениями таза мужчина может косвенно воздействовать на него.

При сексуальном возбуждении разительные изменения претерпевает и половой член. Вначале вялый и мягкий, он увеличивается в размерах, твердеет и принимает вертикальное положение вследствие наполнения кровью пещеристых тел. Его обычная длина, составляющая девять с половиной сантиметров, увеличивается еще на семь или восемь сантиметров. Он значительно увеличивается и в диаметре. В результате у человека, в состоянии эрекции, оказывается самый большой из всех приматов пенис.

В момент наивысшего полового возбуждения происходит несколько мощных сокращений мускулов члена, выбрасывающих сперму из семенного протока в женское влагалище.

Первые из этих сокращений наиболее мощные и происходят с такими же интервалами в 0,8 секунды, как это происходит в момент оргазма у женщины.

В возбужденном состоянии мошонка у мужчины съеживается, в результате чего подвижность яичек уменьшается. За счет укорочения семенных канатиков (как это происходит при их охлаждении, в момент страха и гнева) они приподнимаются и прижимаются к телу. Гиперемия этого участка приводит к тому, что яички увеличиваются в размерах в полтора, а то и два раза.

Вот какие изменения происходят в мужском и женском теле в результате сексуального возбуждения. После того как половой акт завершен, все перечисленные изменения быстро сходят на нет, и получивший удовлетворение индивид сразу же возвращается в свое нормальное состояние покоя. Стоит отметить еще одну реакцию, наступающую после достижения оргазма. Сразу же после соития как у мужчины, так и у женщины может наблюдаться обильное потоотделение. Причем это может происходить независимо от того, много или мало физических усилий было приложено при соитии. Однако, хотя оно не относится к общим затратам физической энергии, такое потоотделение свидетельствует об интенсивности оргазма. На спине, ляжках и верхней части груди образуется пленка пота. Пот может струиться из-под мышек. При особенно бурном оргазме он может покрывать все туловище от плеч до ляжек. Увлажняются также ладони и подошвы ног, а если лицо покрыто любовным румянцем, то пот может выступить на лбу и верхней губе.

Это краткая сводка сексуальных стимулов у представителей нашего вида; реакция на них может теперь служить основой для обсуждения нашего сексуального поведения и сравнения его с таковым у наших предков в связи с нашим общим образом жизни. Однако прежде всего стоит отметить, что ответные реакции на различные стимулы не всегда происходят одинаково часто. Некоторые неизбежно возникают всякий раз, как мужчина и женщина встречаются для решения сексуальных проблем, другие отмечаются лишь в отдельных случаях. Но даже в таких условиях они возникают достаточно часто, чтобы рассматриваться в качестве «видовых характеристик». Что касается реакций, то «любовный румянец» наблюдается у 75 % женщин и у 25 % мужчин. Твердение сосков происходит у всех женщин и лишь у 60 % представителей мужского пола. Обильное потоотделение после оргазма характерно для 33 % как мужчин, так и женщин. Помимо этих специфических реакций, большинство других, упомянутых нами, относятся ко всем случаям, хотя, разумеется, их фактическая интенсивность и продолжительность изменяются в зависимости от обстоятельств.

Еще один вопрос, требующий разъяснения, – каким образом распределяется половая активность в течение всей жизни индивида. Во время первого десятилетия жизни ни у кого из представителей обоих полов не наблюдается подлинной сексуальной активности. Мы часто видим, как маленькие дети играют «в папу и маму», но до тех пор, пока у женщины не начинается овуляция, а у мужчины не происходит эякуляция, ясно, что функциональное сексуальное поведение возникнуть не может. У некоторых девочек менструации начинаются в десять лет, а к четырнадцати у 80 % из них менструации происходят регулярно. К девятнадцати годам это происходит со всеми из них. Такая перемена сопровождается появлением волосяного покрова на лобке, увеличением ширины бедер, ростом груди, который даже опережает перечисленные изменения. Замедляется общий рост тела, а к двадцати двум годам прекращается вовсе.

Первая эякуляция у мальчиков происходит не ранее, чем они достигнут одиннадцати лет, поэтому в сексуальном развитии они отстают от девочек. (Самая ранняя эякуляция была зарегистрирована у восьмилетнего мальчика, но это исключение.) К двенадцати годам 25 % мальчиков успели испытать первую эякуляцию, а к четырнадцати их количество составляет уже 80 %. (Следовательно, в этом отношении они догнали девочек.) Средний возраст, когда происходит первая эякуляция, составляет тринадцать лет и десять месяцев. Как и у девочек, у мальчиков происходят характерные изменения. На теле, в особенности на лобке и на лице, начинают расти волосы. Типичный порядок их появления таков: лобковая часть, подмышки,

верхняя губа, щеки, подбородок; затем, постепенно, они появляются на груди и остальных частях тела. Вместо увеличения ширины бедер у мальчиков наблюдается увеличение ширины плеч. Голос приобретает низкий тембр. Последнее изменение происходит и у девочек, но оно не столь заметно. У обоих полов происходит заметный рост гениталий.

Любопытно отметить, что если судить о возбудимости по частоте достижения оргазма, то мужчина гораздо быстрее достигает этого момента наивысшего удовлетворения, чем женщина. Хотя половая зрелость у мальчиков наступает приблизительно на год позднее, чем у девочек, они тем не менее получают наивысшее удовольствие от полового акта, не достигнув двадцати лет. В отличие от мужчин, у женщин это происходит в двадцать пять, а то и тридцать с лишним лет. Фактически женщина должна достичь двадцатидевятилетнего возраста, прежде чем она испытает оргазм той же интенсивности, что и пятнадцатилетний юноша. Лишь 23 % пятнадцатилетних девушек вообще достигают стадии оргазма. К двадцати годам эта цифра составляет лишь 53 %, к тридцати пяти – 90 %.

Взрослый мужчина испытывает оргазм приблизительно три раза в неделю. Примерно у 7 % эякуляция происходит ежедневно или чаще. Наивысшая частота оргазма у среднего мужчины наблюдается в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, после чего, до самой старости, постоянно сокращается. Способность к многократной эякуляции ослабевает, угол эрекции уменьшается. В двадцатилетнем возрасте эрекция может сохраняться в среднем в течение почти часа, но в семьдесят лет она продолжается всего семь минут. Тем не менее 70 % мужчин в семьдесят лет ведут активную половую жизнь.

Аналогичную картину ослабления полового влечения мы наблюдаем и у женщин. Более или менее внезапное прекращение овуляции приблизительно в пятидесятилетнем возрасте очень заметно снижает уровень сексуальной возбудимости, если взять население в целом. Однако существуют индивидуальные отклонения, связанные с влиянием климакса на сексуальное поведение женщин.

Копуляционная активность, которую мы до сих пор обсуждали, как правило, относится к партнерам, составляющим брачную пару. Союз этот может иметь форму зарегистрированного брака или неофициальную связь того или иного вида. Высокая частота внебрачных половых сношений, которые, как известно, имеют место, не должна рассматриваться как неразборчивость в связях. В большинстве случаев это подразумевает ухаживание и образование пар, даже если возникший в результате союз не является особенно прочным. Приблизительно 90 % населения находится в браке, но 50 % женщин и 84 % мужчин вступали в половую связь и до брака. К сорока годам 26 % замужних женщин и 50 % женатых мужчин состояли во внебрачных связях. В ряде случаев официально зарегистрированные союзы окончательно распадаются (в 1956 году в Америке эта цифра составила 0,9 % от их общего количества). Механизм образования пар среди представителей нашего вида, хотя и весьма надежный, далек от совершенства.

Теперь, когда мы располагаем всеми этими фактами, можно начать задавать вопросы. Каким образом помогает нам выжить сексуальное поведение? Почему мы ведем себя именно так, а не иначе? Мы сумеем разобраться в этих вопросах, если зададим еще один: насколько сравнимо наше сексуальное поведение с поведением других существующих в настоящее время приматов?

Мы тотчас увидим, что сексуальная активность вида, к которому мы принадлежим, гораздо интенсивнее, чем у любых других приматов, в том числе и ближайших наших сородичей. Продолжительный период ухаживания у них отсутствует. Едва ли у каких-то мелких или крупных обезьян существуют устойчивые брачные союзы. Предкопуляционная стадия непродолжительна и представляет собой несколько гримас и несложных звуковых сигналов. Само соитие также кратковременно. (Например, у бабуинов с момента начала полового акта до семяизвержения проходит не более семи-восьми секунд. За это время самец успевает сделать не более пятнадцати движений тазом, иногда и того меньше.) Похоже на то, что самка у них вовсе

не испытывает полового удовлетворения. Если с нею и происходит нечто подобное, то это никак нельзя сравнить с оргазмом у женщины.

Период половой восприимчивости у самки мелкой или крупной обезьяны очень ограничен. Он составляет всего неделю или чуть больше ее месячного цикла. Но и это – достижение по сравнению с млекопитающими с более низким уровнем организации, где он строго ограничен временем овуляции. Однако у представительниц нашего вида свойственная приматам тенденция к продлению периода рецептивности увеличена до предела, так что женщина рецептивна фактически в любое время. Во время беременности и кормления детеныша самка мелкой или крупной обезьяны перестает быть сексуально активной. У нас же половая активность наблюдается и в указанные выше периоды, так что сношения строго ограничиваются лишь непродолжительным отрезком времени перед самыми родами и сразу после них.

Совершенно очевидно, что голая обезьяна – самый сексуальный из всех ныне живущих приматов. Чтобы найти причину этого, мы должны еще раз посмотреть на наше прошлое. Что же произошло? Прежде всего, чтобы выжить, наш предок был вынужден заниматься охотой. Во-вторых, он должен был обладать более развитым мозгом, чтобы компенсировать свои недостаточные физические возможности. В-третьих, у него должно было быть более продолжительное детство, чтобы его мозг смог увеличиться и натренироваться. В-четвертых, самки должны были оставаться дома и ухаживать за детенышами, пока самцы охотились. В-пятых, во время охоты самцы должны были действовать сообща. В-шестых, они должны были находиться в вертикальном положении и использовать орудия, чтобы обеспечить удачный исход охоты. Не хочу сказать, что все это происходило именно в таком порядке. Наверняка факторы эти развивались постепенно в одно и то же время, причем каждый шаг развития способствовал другому. Просто я перечисляю шесть основных, ключевых изменений, которые произошли при становлении обезьяны-охотника. Как мне представляется, эти изменения таили в себе составляющие элементы, ответственные за наши сегодняшние сложные сексуальные отношения. Прежде всего самцам следовало быть уверенными, что оставленные ими самки будут им верны, пока они охотятся. Поэтому самкам пришлось выработать в себе стремление к сохранению брачного союза. Кроме того, потребовалось предоставить сексуальные права и более слабым самцам, если предполагалась их помощь в процессе охоты. Самками следовало делиться – сексуальная организация стала более демократичной и менее тиранической. Каждый самец тоже должен был выработать в себе стремление создать брачную пару. Кроме того, теперь самцы были оснащены смертоносным оружием, так что распри на сексуальной почве стали небезопасными. Возникла еще одна причина того, чтобы самец довольствовался одной самкой. В довершение всего медленно растущая молодая поросль предъявляла все более повышенные требования к своим родителям. В результате развились поведенческие особенности родителей, которые были вынуждены делить между собой родительские обязанности. Это была еще одна причина укрепления брачной пары.

Учитывая данную ситуацию, мы теперь сумеем понять, к чему все это привело. Голой обезьяне пришлось научиться влюбляться, добиваться осуществления сексуального импринтинга на единственном партнере и создавать парный союз. Как бы вы ни захотели это обозначить, все сводится к одному. Каким же образом удалось добиться таких результатов голой обезьяне? Какие факторы способствовали этому? Прежде всего, будучи приматом, она должна была уметь создавать кратковременные брачные союзы, существовавшие несколько дней, а то и часов. Но теперь их следовало укреплять и продлевать. Один важный момент, который должен был прийти на помощь примату-охотнику, – это его продолжительное детство. За эти долгие годы у него была возможность установить контакты с родителями – такие продолжительные и прочные, каких не знал детеныш обезьяны. Потеря связи с родителями по достижении зрелости и независимости создавала пустоту, которую следовало заполнить. Молодой примат

был подготовлен к установлению новой, столь же прочной связи, которой предстояло заменить утраченную.

Хотя и этого обстоятельства было достаточно, чтобы подтолкнуть молодого самца к созданию нового союза, требовался еще и дополнительный стимул к его сохранению. Он должен был быть достаточно продолжительным, чтобы самец успел создать за это время семью. Влюбившись, он должен был сохранить свою любовь. Благодаря долгому и увлекательному ухаживанию можно было достичь первого, но требовалось что-то еще, чтобы закрепить эту связь. Проще всего было добиться такой цели, сделав партнерство более сложным и благотворным. Иными словами, следовало сделать сексуальные отношения более привлекательными.

Как же это было достигнуто? Ответ очевиден: всеми возможными способами. Если посмотреть на поведение сегодняшней голой обезьяны, то развитие событий станет очевидным. Усилившуюся рецептивность женщины нельзя объяснить одним лишь увеличением рождаемости. Действительно, будучи готовой к копуляции в тот период, когда она еще кормит младенца грудью, женщина способствует росту рождаемости. Поскольку в течение долгого времени она находится в зависимости от мужчины, было бы несчастьем, если бы этого не произошло. Однако это не объясняет, почему она готова идти навстречу желаниям мужчины и испытывать сексуальное возбуждение в течение всего ее месячного цикла. Овулирует она лишь в течение непродолжительного отрезка времени, поэтому половые отношения в остальное время не имеют своей задачей производство потомства. Совершенно очевидно, что в подавляющем большинстве случаев, когда речь идет о человеческой расе, копуляция связана не с продолжением рода, а с укреплением брачного союза, делая половые отношения привлекательными для партнеров. Следовательно, неоднократное удовлетворение своих желаний – это вовсе не порождение современной порочной цивилизации, а глубоко укоренившаяся, биологически обоснованная и эволюционно разумная тенденция, свойственная нашему виду.

Даже в тех случаях, когда у женщины прекратились месячные – иными словами, когда она беременна, – она принимает ухаживания мужчины. Это тоже чрезвычайно важно, поскольку в условиях системы «один мужчина – одна женщина» надолго лишать мужчину утешения чересчур опасно. Это может повредить прочности союза.

Вдобавок к увеличению периода сексуальной активности усилилась и сама эта активность. Жизнь охотника, которая дала нам голую кожу и более чувствительные руки, увеличила возможности телесных контактов, стимулирующих половую деятельность. Такие соприкосновения играют большую роль на предкопуляционной стадии. Поглаживание, трение, прижимание, ласки – все это широко используется нами и не наблюдается в такой степени у других приматов. Такие части тела, как губы, мочки ушей, соски, груди и гениталии, изобилуют нервными окончаниями и крайне чувствительны к эротическому стимулированию. Мочки ушей, похоже, созданы специально для этой цели. Анатомы часто называют их излишними подвесками или «бесполезными жировыми наростами». В обиходе их считают «следами» той эпохи, когда у нас были большие уши. Но если мы посмотрим на других приматов, то обнаружим, что у них нет таких мясистых мочек ушей. По-видимому, это не следы прошлого, а какие-то новые приобретения. Когда же выясняется, что при половом возбуждении они наливаются кровью, распухают и становятся крайне чувствительными, у нас не остается никаких сомнений в том, что целью их возникновения было создание еще одной эрогенной зоны. (Удивительно, что неприметные мочки ушей остались вне сферы внимания, но следует отметить следующее: известны случаи, когда в результате стимулирования мочек ушей мужчины и женщины испытывали оргазм.) Любопытно отметить, что выделяющийся на нашем лице мясистый нос – это еще одна уникальная и необъяснимая деталь, назначение которой непонятно анатомам. Кто-то даже назвал его «всего лишь излишеством, не играющим никакой функциональной роли». Трудно поверить, чтобы столь заметный орган мог возникнуть в результате эволюции приматов, не будучи ни к чему предназначенным. Когда мы узнаем, что в носу находятся губчатые

ткани, которые способствуют увеличению носа и расширению ноздрей в результате гиперемии при сексуальном возбуждении, то задумается.

Наряду с целым набором органов осязания, мы обладаем необычными способностями к визуальным сигналам. Важную роль здесь играет сложная мимика, хотя ее возникновение связано с другими аспектами жизни. У нас, как у представителей приматов, наиболее развитые по сравнению с другими видами лицевые мускулы. Более того, у нас из всех живущих на земле существ самая сложная и выразительная мимика. Незаметными движениями складок у рта, носа, глаз, бровей, на лбу, в самых разных их сочетаниях, мы можем передать множество сложных оттенков чувств. Во время любовных встреч (особенно на ранних этапах ухаживания) эти оттенки играют чрезвычайно важную роль. (Их конкретные формы будут рассматриваться в следующей главе.) При сексуальном возбуждении происходит и расширение зрачков. Хотя изменение это и незначительно, оно может воздействовать на нас в большей степени, чем нам кажется. Ведь глаза отражают наши чувства.

Подобно мочкам ушей и выделяющемуся на лице носу, таких губ, какие имеются у нас, нет у других приматов. Разумеется, губы есть и у них, но не такие вывороченные. Шимпанзе умеет выпячивать и выворачивать губы, обнажая слизистую оболочку, которая обычно не видна. Но это продолжается недолго, после чего животное вновь поджимает губы. У нас же, напротив, губы вывернуты постоянно. Шимпанзе кажется, будто мы постоянно на кого-то дуемся. Если вас обнимет дружелюбно настроенный к вам шимпанзе, а затем пылко поцелует в шею, то вы не станете сомневаться в его умении передавать с помощью губ осязаемые сигналы. У шимпанзе это скорее приветствие, нежели сексуальный сигнал. У наших же сородичей такой жест имеет оба значения. Поцелуи у нас учащаются и становятся особенно продолжительными на предкопуляционной стадии. В этой связи, очевидно, было удобнее иметь чувствительные слизистые оболочки постоянно обнаженными, чтобы при поцелуях не нужно было поддерживать в напряжении мускулы рта. Но это еще не все. Обнаженные, покрытые слизистой губы имеют четко выраженную, характерную форму. Они не слились с окружающим рот кожным покровом, став важным средством передачи визуальных сигналов. Мы уже установили, что при половом возбуждении губы распухают и краснеют; четкая демаркация этой области, очевидно, способствовала усовершенствованию таких сигналов и облегчала обнаружение незначительных изменений очертаний губ. К тому же даже в спокойном состоянии они краснее окружающей кожи лица и уже благодаря одному их наличию, без регистрации изменяющихся физиологических условий, служат своего рода рекламой, привлекая внимание окружающих.

Ломая голову над значением наших уникальных, покрытых слизистой оболочкой губ, анатомы заявили, что их возникновение «еще не вполне объяснимо», и выдвинули гипотезу, согласно которой они как-то связаны с потребностью ребенка сосать грудь матери. Но детеныш шимпанзе превосходно справляется с такой задачей, и его более мускулистые, способные захватывать предметы губы, похоже, лучше приспособлены для этой цели. Кроме того, указанная выше гипотеза не объясняет наличия резкой границы между губами и остальной частью лица. Не может она также объяснить и разительное отличие губ светлокожих и темнокожих рас. Но если рассматривать губы как средство визуальной сигнализации, то эти различия понять легче. Если из-за влияния климатических условий кожа темнеет, то это отрицательно влияет на сигнальную функцию губ вследствие ослабления цветового контраста. Если они действительно играют роль своего рода сигналов, то должен был возникнуть какой-то компенсационный механизм. По-видимому, это и произошло: у негроидных рас губы крупнее и более выпячены. Ущерб за счет утраты цветового контраста восполнен величиной и формой губ. Кроме того, у негроидов губы более резко очерчены. У представителей светлых рас губы выделяются за счет цвета, они светлее остальной кожи. С точки зрения анатомии особенности губ у негроидов, как нам кажется, являются не атавизмом, а положительным шагом в специализации губ.

Существует ряд других, явно сексуальных визуальных сигналов. Как я уже упоминал, с наступлением половой зрелости полная способность к продлению рода характеризуется появлением заметного волосяного покрова, в особенности в области гениталий, под мышками, а у мужчин еще и на лице. У женщин наблюдается быстрое увеличение груди. Мужчины становятся шире в плечах, а женщины – в бедрах. Эти изменения не только свидетельствуют о половом созревании индивида, но и указывают на его принадлежность к тому или иному полу.

Обычно полагают, что увеличение груди у женщин связано скорее с материнским, чем с половым инстинктом, но данных, указывающих на это, недостаточно. У других видов приматов хватает молока для питания потомства, однако они лишены столь четко выделяющихся, крупных полушарий. В этом отношении самки, принадлежащие к нашему виду, уникальны. Появление выпуклых грудей характерной формы, по-видимому, является еще одним примером сексуальной сигнализации. Подобное могло произойти лишь благодаря наличию обнаженного кожного покрова. Рельефные образования на месте грудей у покрытой шерстью самки были бы гораздо менее заметны в качестве привлекающих самца сексуальных ориентиров. Но после того как волосяной покров исчез, они стали бросаться в глаза. Обращает на себя внимание не только их форма, но и соски, способные увеличиваться и твердеть при сексуальном возбуждении. Пигментация колеи вокруг соска также способствует этому процессу.

Благодаря обнаженной коже возникают и сигналы, обуславливаемые изменением ее цвета. Подобное происходит и с другими животными, у которых имеются небольшие обнаженные участки кожи, но у человека это особенно заметно. На ранних стадиях ухаживания человек очень часто покрывается любовным румянцем; при усилении полового возбуждения на его лице проступают характерные пятна. (Эта форма сигнала также отсутствует у темнокожих рас. Известно тем не менее, что и у них происходят определенные изменения, но не в окраске, а в текстуре кожи.)

Прежде чем покончить с этим букетом визуальных сигналов, мы должны рассмотреть довольно необычный аспект их эволюции. Для этого необходимо разобрать странные изменения, которые происходят у наших сородичей-обезьян. Исследования, недавно проведенные немецкими учеными, показали, что некоторые виды этих животных как бы дублируют свои сигналы. Это особенно характерно для мандрил и бабуинов. У мандрила-самца имеется красный пенис с двумя синими складками мошонки по обеим его сторонам. Такое же сочетание цветов повторяется и на лице: ярко-красный нос и надутые голые щеки темно-синего цвета. Создается впечатление, что лицо животного имитирует область гениталий, представляя собой тот же набор визуальных сигналов. Когда мандрил-самец приближается к своему сородичу, из-за его стойки не видно гениталий, но важные сигналы он может передать и с помощью своего фаллического лица. Самка бабуина также дублирует свои дамские прелести. Вокруг ее гениталий имеется ярко-красное пятно кожи, окаймленное белыми сосочками. Губы влагалища в центре этой области более темного, густо-алого цвета. Такой же рисунок повторяется у нее на груди, где имеется обнаженный участок кожи красного цвета, окруженный такими же белыми бугорками. В середине пятна темно-красные соски расположены так близко друг от друга, что очень напоминают губы влагалища. (Они действительно находятся так близко, что детеныш обезьяны сосет обе груди одновременно.) На разных стадиях месячного сексуального цикла окраска пятна груди повторяет цвет самих гениталий.

Неизбежно напрашивается вывод: не зря же у мандрила и бабуина генитальные сигналы находятся спереди. Мы слишком мало знаем о жизни мандрилов в естественных условиях, чтобы рассуждать о причинах их странной внешности, но зато нам известно, что дикие бабуины пребывают в сидячем положении гораздо чаще, чем большинство их родственников-обезьян. Если для них это более естественная поза, то выходит, что имея сексуальные сигналы на груди, их легче сообщать другим особям своей группы, чем если бы сигналы эти были распо-

ложены лишь на седалище. Ярко раскрашенные гениталии имеются у многих видов приматов, но такого рода фронтальное дублирование встречается весьма редко.

Представители нашего рода произвели коренной переворот в отношении типичного положения при спаривании. Подобно бабуинам, мы проводим уйму времени в сидячем положении. При социальных контактах мы стоим, обращенные лицом друг к другу. Может быть, и мы занимались чем-то похожим на автомимирию? Не могло ли вертикальное положение тела повлиять на наши сексуальные сигналы? Если рассматривать их с данной точки зрения, то ответ должен быть наверняка положительным. Типичное положение всех остальных приматов при спаривании – когда самец приближается к самке сзади. Та приподнимает седалище и выпячивает его в сторону самца. При виде ее гениталий он залезает на нее. При копуляции между ними нет фронтального контакта, и самец прижимается областью гениталий к седалищу самки. У нас все иначе. Партнеры обращены лицом друг к другу не только во время продолжительных предкопуляционных действий, но и, как правило, во время самого соития.

По этому поводу давно ведется спор. Считают, что фронтальное положение при половом контакте естественно для нас с биологической точки зрения и что все остальные позы следует считать его усложненными вариантами. В последнее время ученые опровергают это мнение и заявляют, что у людей нет типичной позы как таковой. По их мнению, любой телесный контакт должен лить воду на нашу сексуальную мельницу, а так как мы существа изобретательные, то вполне естественно, что мы экспериментируем в отношении поз копуляции. Причем чем их больше, тем лучше, поскольку таким образом половой акт усложняется, сексуальная новизна усиливается, что предотвращает скуку, когда речь идет о давно существующих брачных союзах. Приводимые учеными аргументы вполне убедительны в данном контексте, однако, настаивая на своих убеждениях, они зашли слишком далеко. На самом деле они возражают против утверждения, будто бы любые отклонения от основной позы «греховны». Чтобы противопоставить свои взгляды такому убеждению, они стали подчеркивать ценность подобного рода отклонений и были, по приведенным выше причинам, совершенно правы. Любой прием, усиливающий чувственное наслаждение партнеров, без сомнения, играет важную роль в укреплении их брачного союза. С биологической точки зрения они полезны для представителей нашего вида. Однако, ведя между собой борьбу, вышеупомянутые научные светила упустили из виду один факт. То, что существует одна, типичная для нас поза – «лицом к лицу». Фактически все сексуальные сигналы и эрогенные зоны находятся у нас спереди: глаза, нос, брови, губы, борода, источники ареолярных сигналов, женские груди, соски, растительность лобка, сами гениталии, основные области покраснения и основные области прилива крови при половом возбуждении. Можно утверждать, что многие из этих сигналов прекрасно работают на первых порах, при фронтальном положении партнеров, но затем, после того как они достаточно возбуждены, мужчина может сменить позу или, если уж на то пошло, принять любую другую, даже самую необычную позу. Совершенно верно. Возможно, такой прием может принести элемент новизны, но он имеет ряд неудобств. Прежде всего для таких существ, образующих парные союзы, как мы, гораздо большее значение имеет индивидуальность партнера. При фронтальном подходе принимаемые сексуальные сигналы и знаки прочно ассоциируются с сигналами, идентифицирующими партнера. Фронтальный секс – это «персонифицированный» секс. Кроме того, предкопуляционные эмоции от соприкосновения с фронтально сосредоточенными эрогенными зонами могут перерасти в копуляционную стадию лишь в том случае, когда соитие совершается в положении «лицом к лицу». При других позах эти ощущения были бы утрачены. Фронтальный подход обеспечивает еще и стимулирование клитора женщины движениями мужского таза. Правда, независимо от позы, он будет стимулироваться пассивно, но фронтальная копуляция сопровождается ритмичным надавливанием мужской лобковой частью на область клитора, что значительно усилит стимулирование. Наконец, следует учитывать анатомию влагалища: оно, точнее его канал, расположено под углом и вперед, что

отличает наш вид от других видов приматов. Это было обусловлено не только прямохождением представителей нашего вида. Несомненно, если бы женщине было важно демонстрировать свои гениталии с тем расчетом, чтобы партнер забирался на нее сзади, то естественный отбор вскоре закрепил бы эту тенденцию и к настоящему времени канал влагалища был бы ориентирован назад.

Как нам представляется, копуляция в положении «лицом к лицу» является основной для представителей нашего вида. Разумеется, существует много вариантов, не исключая фронтальное положение: мужчина сверху, женщина сверху, на боку, на корточках, стоя и так далее. Однако наиболее эффективное и распространенное положение – когда оба партнера находятся в горизонтальном положении и мужчина лежит на женщине. По данным американских ученых, 70 % населения применяют лишь такую позу. Даже те, кто варьируют это положение, все-таки в большинстве случаев прибегают к основной позиции. Меньше 10 % мужчин совершают соитие сзади. Изучив этнические культуры при опросе, в котором участвовало свыше двухсот различных сообществ, разбросанных по всему свету, ученые пришли к выводу, что копуляция в положении, когда мужчина находится сзади, не является типичной ни в одной из обследованных групп.

Если мы согласимся с этим фактом, то, ненадолго отклонившись от темы, можем перейти к сексуальной мимикрии. Если бы женщина решила таким образом переключить внимание мужчины на переднюю часть своего тела, то эволюция была бы направлена на стимулирование такого желания. Когда-то в прошлом мы, по-видимому, совершали половой акт с тыла. Предположим, что мы достигли той стадии, когда женщина подавала мужчине сексуальные сигналы с помощью пышных ягодич (которые, кстати, не встречаются у других приматов) и пары ярко-красных наружных половых губ. Предположим, что мужчина выработал чрезвычайную восприимчивость к этим специфическим сигналам. Допустим, что на этом этапе эволюции представители нашего вида при социальных контактах все чаще принимали вертикальное и фронтально ориентированное положение. При такой ситуации вполне следовало ожидать появления своего рода мимикрии наподобие той, что наблюдается у самок бабуинов. Можем ли мы, разглядывая прелести женщины, обнаружить что-либо, напоминающее тот фронтально расположенный генитальный набор, представлявшийся взору наших предков, – округлые ягодицы и алые наружные половые губы. Ответ столь же очевиден, как пышные женские груди. Они, эти пухлые полушария, наверняка являются аналогами полных ягодиц, а ярко очерченные алые губы, окружающие рот, – подобием красных наружных губ. (Возможно, вы помните, что при сильном половом возбуждении губы рта и наружные губы влагалища набухают и приобретают более темный оттенок. Так что они не только похожи, но и одинаково изменяются в минуты страсти.) Если самцы нашего вида были готовы сексуально реагировать на эти сигналы, когда они посылались со стороны спины, то у них должна была бы сохраниться восприимчивость к ним и после воспроизведения подобия этих органов на передней части тела. Как нам представляется, именно это и произошло, когда груди и губы рта стали копиями ягодиц и наружных половых губ. (Тотчас на ум приходит губная помада и бюстгалтеры, но о них потом, когда мы станем рассматривать технические стимулирующие средства современной цивилизации.)

В дополнение к играющим важную роль визуальным сигналам существуют определенные запахи, выполняющие функции сексуальных стимуляторов. Вследствие эволюции наше чувство обоняния значительно притупилось, но оно достаточно эффективно и выполняет более важные функции при половой деятельности, чем мы себе это представляем. Мы знаем, что каждый пол обладает своим запахом. Была выдвинута гипотеза, что частью процесса создания брачных пар – влюбленности – является своего рода обонятельный импринтинг – закрепление в памяти специфического запаха тела партнера. Любопытно отметить в этой связи, что с наступлением половой зрелости происходит заметное изменение запаховых предпочтений. До пубертации (достижения половой зрелости) индивидам обычно очень нравятся сладкова-

тые запахи, напоминающие аромат фруктов, но с ее наступлением мы наблюдаем резкое изменение в пользу цветочных, маслянистых ароматов и запаха мускуса. Это относится к обоим полам, но мужчины воспринимают запах мускуса острее, чем женщины. Утверждают, что, став взрослыми, мы можем обнаружить наличие мускуса даже тогда, когда всего одна его часть приходится на восемь миллионов частей воздуха. Показательно, что это вещество, выделяемое особыми железами, играет существенную роль в системе сигналов-запахов у многих видов животных. Хотя у нас самих нет крупных желез, выделяющих запахи, мы имеем множество мелких, так называемых апикриновых желез. Они похожи на обычные потовые железы, но в их выделениях (секрете) содержится больше твердых веществ. Расположены они во многих частях тела, но особенно много их под мышками и в районе гениталий. Волосистой покров этих участков тела наверняка служит ловушкой для запахов. Утверждают, что выделение секрета железами усиливается при половом возбуждении, но до сих пор детальный анализ этого явления не проведен. Однако нам известно, что у женщин апикриновых желез на 75 % больше, чем у мужчин. Любопытно отметить, что у низших млекопитающих перед копуляцией самец чаще обнюхивает самку, чем она его.

Расположение на теле человека зон, выделяющих запахи, по-видимому, является очередным этапом на пути к фронтальному положению партнеров при копуляции. В местонахождении гениталий у человека нет ничего необычного, так как оно совпадает с таковым у многих других млекопитающих. Что же касается подмышек, то это более неожиданная особенность. По-видимому, она связана с общей для нашего вида тенденцией к увеличению центров сексуального стимулирования на передней части тела и, как результат, увеличению числа половых контактов в положении «лицом к лицу». В таком случае нос партнера находился в непосредственной близости от важных запахообразующих центров в продолжение всего предкопуляционного этапа и в период соития.

До сих пор мы рассматривали способы усовершенствования сексуального поведения брачной пары, призванные усилить наслаждение от копуляции, тем самым продляя и укрепляя их союз. Но соитие завершается оргазмом, поэтому и здесь понадобились некоторые усовершенствования. Рассмотрим старую систему, существовавшую у приматов. Взрослые самцы активны в половом отношении всегда, за исключением момента непосредственно после эякуляции. Завершающий копуляцию оргазм ценен для них тем, что разрядка от сексуального напряжения, которая наступает вместе с ним, подавляет в них желание до тех пор, пока у животного не возобновятся запасы спермы. Напротив, самки сексуально активны лишь в течение короткого периода времени, совпадающего с овуляцией, когда они постоянно готовы принимать ухаживания самцов. Чем большее количество половых актов произойдет, тем больше будет уверенность в том, что они оплодотворены. В сексуальном отношении самки ненасытны, никакой оргазм не приносит им разрядки и не удовлетворяет их сексуальные потребности. Пока у них течка, им нельзя терять ни минуты, они должны копулировать любой ценой. Если бы они испытывали бурный оргазм, то это отнимало бы у них драгоценное время, предназначенное для спаривания. По завершении полового акта, когда самец, эякулировав, слезает с партнерши, самка не проявляет признаков эмоционального подъема и обычно уходит прочь как ни в чем не бывало.

У особей нашего вида, живущих парами, все обстоит иначе. Прежде всего, поскольку в половом акте участвует единственный самец, нет особенной пользы в том, чтобы самка продолжала оставаться сексуально восприимчивой в тот момент, когда ее партнер выдохся. Поэтому ничто не препятствует оргазму у женщин. Более того, в его пользу говорят два обстоятельства. Во-первых – огромное удовлетворение, которое испытывает партнер от активного участия подруги в процессе копуляции. Подобно всем другим стимулам, оно усиливает взаимную привязанность и укрепляет брачный союз. Во-вторых – значительно увеличивается возможность оплодотворения. Это связано с особенностями анатомического строения женщины.

Чтобы понять данный факт, мы должны снова обратиться к примеру наших сородичей-приматов. После того как самка обезьяны осеменена самцом, она может совершенно спокойно пойти куда глаза глядят, не опасаясь, что лишится семенной жидкости, заключенной в матке. Передвигается она на четырех ногах. Канал влагалища у нее по-прежнему расположен более-менее горизонтально. Если бы человеческая самка была столь же равнодушна к половому акту, поднялась с ложа и тотчас ушла восвояси, то возникла бы совсем иная ситуация. Ведь человек – существо прямоходящее, а при ходьбе канал влагалища находится почти в вертикальном положении. Под влиянием силы земного притяжения семенная жидкость вытекла бы из канала, и большая ее часть была бы утрачена. Поэтому весьма желательна любая поведенческая реакция, которая заставит женщину остаться в горизонтальном положении после того, как партнер эякулирует и процесс завершится. Бурный оргазм, приносящий удовлетворение и утомляющий женщину, дает именно такой эффект. По этой причине он желателен вдвойне.

Тот факт, что женский оргазм – явление уникальное среди приматов, наряду с тем что с физиологической точки зрения он почти аналогичен мужскому оргазму, указывает на то, что в эволюционном смысле он является «псевдомужской» реакцией. В организме как мужчины, так и женщины довольно много особенностей, свойственных противоположному полу. На основании сравнительных исследований других групп животных мы знаем, что при необходимости эволюционный процесс может вызвать к жизни одну из этих скрытых особенностей и выдвинуть ее в первый ряд (как бы создав «неправильный» пол). В данном случае нам известно, что представительницам женского пола свойственна чрезвычайная восприимчивость к стимулированию клитора. Если мы вспомним, что этот орган является гомологией, или копией мужского полового члена, то женский оргазм как бы «заимствован» у мужчин.

Это обстоятельство может также объяснить, почему из всех приматов у человека самый большой пенис. В состоянии полной эрекции он не только чрезвычайно длинный, но и очень толстый, если сравнить его с аналогичным органом у других животных. (По сравнению с мужским членом, пенис у шимпанзе похож на шип.) Такое увеличение размеров полового члена приводит к тому, что наружные половые органы женщины испытывают большую нагрузку во время самого акта. При каждом поступательном движении пениса область клитора опускается, а затем, при возвратном его движении, поднимается вновь. Если к этому прибавить ритмическое сдавливание клиторальной области женщины лобковой областью ее партнера в положении «лицом к лицу», то происходит массаж клитора, аналогичный мастурбации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.